

Академіи къ свѣдѣнію и исполненію“ — указъ на имя Его
Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 30
апрѣля за № 2680:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣй-
шій Правительствующій Синодъ слушал: дѣло объ утвер-
жденіи кандидата богословія одной изъ духовныхъ академій
въ степени магистра богословія. Приказали: Въ виду того,
что по пар. 88 академическаго устава утвержденіе въ бого-
словскихъ степеняхъ магистра и доктора принадлежитъ Святѣй-
шему Синоду, предписать Совѣтамъ духовныхъ академій
при возбужденіи ходатайствъ чрезъ мѣстныхъ епархіальныхъ
Преосвященныхъ объ утвержденіи въ ученыхъ степеняхъ
магистра и доктора лицъ представлять въ Святѣйшій Си-
нодъ *десять* экземпляровъ сочиненій на ученую степень, для
снабженія оными Синодальныхъ Членовъ и присутствующихъ
въ Святѣйшемъ Синодѣ Преосвященныхъ; о чемъ, для
зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству
и Преосвященнымъ Митрополитамъ Кіевскому и С.-Петер-
бургскому и Архіепископу Казанскому указы“.

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода принять къ
свѣдѣнію. 2) На будущее время требовать отъ ищущихъ сте-
пени магистра богословія и доктора не 50-ти, какъ пола-
гается § 32 „Положенія объ испытаніяхъ на ученія сте-
пени“, а 60-ти экземпляровъ напечатанной диссертации.

II. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія
на журналахъ собраний Совѣта Академіи:

а) 20 марта 1900 года: „1900 г. Апр. 22. По статьямъ XIV
и XVI. Разрѣшается помощнику инспектора Харьковской
духовной семинаріи Чистосердову переработать его канди-
датское сочиненіе для соисканія степени магистра, студенту
Челлаку сдать устное испытаніе послѣ лѣтнихъ каникулъ.
Прочее читано и утверждается“.—

б) 19 апрѣля 1900 года: „1900 г. Апрѣля 27. По ст. I. На
время отсутствія Ректора Академіи разрѣшается поручить
исправленіе его должности Инспектору Архимандриту Евдо-
киму, а исправленіе должности послѣдняго профессору Пе-
тру Цвѣткову. Прочее утверждается“.

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства
принять къ свѣдѣнію и исполненію и сообщить тѣмъ ли-
цамъ, коихъ онѣ касаются, а послѣднюю и Правленію Ака-
деміи—для зависящихъ распоряженій.

III. Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 13 мая за № 3446: „По утвержденному Г. Синадальнымъ Оберъ Прокуроромъ 4 мая 1900 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидатъ Московской духовной академіи Иванъ *Некрасовъ* опредѣленъ на должность учителя латинскаго языка въ Кашинское духовное училище.—Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для свѣдѣнія и зависящаго распоряженія“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора Академіи кандидату И. Некрасову дано знать о состоявшемся назначеніи его на духовно-учебную службу.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. а) Отзывъ экстраординарнаго профессора по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Заѣта Василя *Мышцына* о сочиненіи инспектора Минской Духовной Семинаріи, кандидата богословія, *іеромонаха Ѡаддея (Успенскаго)* подъ заглавіемъ: „Единство книги пророка Исаи“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія:

„Во введеніи къ своему сочиненію (1—27 стр.) авторъ выясняетъ задачу и методъ своего изслѣдованія. Ветхозавѣтныя пророчества суть не простыя естественныя отзвуки историческихъ событій, но явленія сверхъестественныя, необъяснимыя изъ началъ естественныхъ. Въ нихъ пророки, возводимые Духомъ Божіимъ къ созерцанію будущаго, возвѣщали задолго до наступленія „новое и сокровенное“ для естественнаго разума. Современныя пророку событія обыкновенно имѣли значеніе моментовъ, отъ которыхъ пророки отправлялись въ разумѣніи будущихъ событій и въ которыхъ, какъ въ образахъ, видѣли будущее. Но раціоналистическая критика иначе смотритъ на дѣло. Отрицая возможность сверхъестественныхъ предсказаній, она смотритъ на ветхозавѣтныя пророчества, какъ на исторію, какъ на сообщеніе *post factum*. Какъ видно изъ исторіи раціоналистической критики, такой взглядъ на ветхозавѣтныя пророчества былъ первымъ и самымъ главнымъ основаніемъ къ отрицанію единства и подлинности книги пр. Исаи, а затѣмъ уже явились на помощь ему соображенія психологическія, экзегетическія, филологическія и историческія (хронологическія). Но отрицаніе сверхъестественности пророчествъ, какъ скоро служить осно-

ваніемъ къ отрицанію единства книги пр. Исаи, является *restitutio in integrum* и потому можетъ быть игнорировано изслѣдователемъ библейскаго текста. Прямая задача его въ историко-экзегетическомъ и психологическомъ анализѣ текста съ точки зрѣнія единства книги, въ выясненіи единства тона, мысли, стиля и языка въ книгѣ.—

Примѣнительно къ намѣченному плану авторъ посвящаетъ первую часть сочиненія *изслѣдованію общихъ особенностей книги пр. Исаи* (28—52 стр.). Такими особенностями являются: 1) проходящее чрезъ всю книгу пророка единство тона и стиля, выразившееся въ употребленіи однихъ и тѣхъ же выраженій на всемъ протяженіи пророческой книги, въ излюбленныхъ у пророка образахъ собиранія винограда, ночи и дня, свѣта и тьмы и др.; 2) единство основной мысли о спасеніи „святаго сѣмени“, имѣющемъ открыться въ Сіонѣ, и характерный для пророка Исаи способъ представленія, по которому Спаситель мыслится у него въ общемъ понятіи „святаго сѣмени“, какъ изъ него происходящій и какъ бы раздѣляющій судьбы своего народа (отсюда слова: „отрасль Господа“, „камень, положенный въ Сіонѣ“; „рабъ Божій“ — означаютъ у него и Спасителя и спасенный остатокъ израилевъ); 3) постепенность въ раскрытіи мыслей, благодаря которой съ каждой главой пророкъ становится яснѣе, подробнѣе и опредѣленнѣе, обращая намекъ предшествующей главы въ ясную мысль въ слѣдующей главѣ; 4) хронологическое расположеніе пророчествъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что пророкъ записывалъ свои пророчества по мѣрѣ ихъ произнесенія.

Отмѣтивъ общія черты книги пр. Исаи, авторъ во второй части сочиненія (53—806) даетъ подробный анализъ каждой главы пророческой книги, устанавливая для нея хронологическую дату, указывая въ ней характерныя для пророка черты въ содержаніи и стилѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ опровергая возраженія отрицательной критики противъ ея подлинности. При этомъ особенное вниманіе посвящается анализу второй части книги (40—66 гл.), приписываемой почти всеми протестантскими учеными другому, позднѣйшему автору. При анализѣ второй части книги, особенно въ ученіи о рабѣ Божіемъ, авторъ старается указать сходство съ первой частью, какъ въ мысляхъ, такъ и въ языкѣ.

Для защитника единства книги пр. Исаи представляется

два пути: или изложить и разобрать всё существующія мнѣнія рационалистовъ по вопросу о происхожденіи книги пр. Исаи и получить въ результатъ выводъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній къ отрицанію подлинности этой книги, или путемъ самостоятельнаго анализа содержанія и языка книги показать, въ какомъ случаѣ то и другое находить лучшее объясненіе, при признаніи-ли всей книги за произведеніе одного лица, или при раздѣленіи ея между многими разновременными авторами. Авторъ избралъ этотъ второй, гораздо болѣе трудный и въ той же мѣрѣ болѣе плодотворный способъ защиты единства книги пр. Исаи, и въ этомъ высокое достоинство труда О. Фаддея. Постановкою вопроса вынужденный обратить главное вниманіе на изученіе не западныхъ трудовъ по этому предмету, а самой книги пророка, авторъ превосходно изучилъ ее какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны языка. Благодаря этому онъ могъ свободно и легко защищать подлинность главъ и отдѣловъ, отвергаемыхъ критикой. Его полемика почти всегда безпристрастна и основательна. Мысль читателя не насилуется имъ, но охотно подчиняется его доводамъ. Самъ авторъ, видимо, глубоко убѣжденъ въ правотѣ своего взгляда, согласнаго съ церковнымъ преданіемъ. Всѣ эти свойства сочиненія О. Фаддея сообщаютъ ему значеніе труда научнаго и весьма полезнаго для православнаго богословія. Со стороны литературной оно почти безукоризненно: планъ сочиненія выдержанъ вполнѣ, языкъ отличается сжатостью, выразительностью и мѣткостью. Весьма часто авторъ удерживаетъ въ своей рѣчи картинность и рельефность языка самого пророка.

Указанные нами въ отзывѣ о кандидатскомъ сочиненіи О. Фаддея пробѣлы въ настоящемъ трудѣ восполнены. Авторъ присоединилъ къ своему сочиненію научный комментарий важнѣйшихъ для него мѣстъ изъ пр. Исаи и подробно аргументировалъ свой взглядъ на ученіе пр. Исаи о Рабѣ Божіемъ.

По всѣмъ указаннымъ основаніямъ мы считаемъ автора вполнѣ заслуживающимъ степени магистра богословія“.

б) Отзывъ о томъ же сочиненіи экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ пастырскаго богословія и педагогики Александра *Шостына*:

„Въ обычномъ „введеніи“ авторъ разсуждаетъ о характерѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ вообще, какъ явленій сверхъестественныхъ, и о значеніи ихъ въ жизни еврейскаго народа; затѣмъ характеризуетъ въ частности пророчества Исаи и указываетъ отношеніе къ книгѣ этого пророка такъ называемой отрицательной критики (стр. 1—18); наконецъ, опредѣляетъ ближе задачу и методъ своего изслѣдованія (стр. 19—27).

Наиболѣе цѣлесообразнымъ авторъ находитъ такой путь изслѣдованія, который состоитъ въ томъ, чтобы сначала возможно внимательнѣе всмотрѣться въ книгу въ ея цѣломъ и посмотрѣть, нѣтъ-ли въ самой книгѣ твердыхъ основаній для признанія ея единства, и если есть, то свидѣтельство непосредственнаго впечатлѣнія взвѣсить путемъ строго-критической провѣрки текста и затѣмъ показать, въ какомъ случаѣ текстъ книги находитъ болѣе естественное изъясненіе, при признаніи-ли всей книги за подлинное произведеніе пророка Исаи, или при раздѣленіи ея между многими разновременными авторами и редакторами; имѣютъ-ли различныя основанія, по которымъ многіе отдѣлы книги считаются происшедшими не отъ пророка Исаи, полное научное значеніе или твердость“ (стр. 26—27).

И во всемъ изслѣдованіи своемъ авторъ остается вѣрнымъ намѣченному пути. Такъ, прежде чѣмъ приступить къ „изложенію самаго текста книги и изслѣдованію всѣхъ ея частей въ отдѣльности“ (стр. 53—806), онъ довольно подробно выясняетъ „общія особенности книги пророка Исаи“, характеризуя тонъ рѣчи въ ней и образъ выраженія мыслей (стр. 28—37), отмѣчая одну основную мысль, проходящую чрезъ всю книгу, и постепенность въ раскрытіи ея (стр. 38—44).

Такъ же поступаетъ авторъ и далѣе: въ каждомъ отдѣлѣ книги онъ сначала выясняетъ положительнымъ образомъ смыслъ пророчества, историческія обстоятельства и поводъ къ его произнесенію, связь съ основною мыслию книги и сходство съ другими частями ея въ образахъ и выраженіяхъ, а потомъ уже переходитъ къ разбору существующихъ возраженій отрицательной критики противъ подлинности того или другого пророчества. Иногда разборъ этихъ возраженій и ихъ основаній выдѣляется въ особые параграфы, какъ напр. „изслѣдованіе вопроса объ отношеніи хронологіи

библейской и ассиро-вавилонскихъ памятниковъ“ (стр. 405—461), или о „Рабѣ Господнемъ“ въ отдѣлѣ 40—66 гл. (стр. 713—806).

Такая постановка изслѣдованія, при которой прямыя положительныя доказательства значительно преобладаютъ надъ разборомъ и опроверженіемъ разныхъ возраженій, весьма способствуетъ тому, что вниманіе читателя не разбрасывается по мелочамъ и одна опредѣленная, послѣдовательно проведенная, мысль настойчиво нудитъ его согласиться съ заключительнымъ выводомъ автора, что книга пр. Исаи дѣйствительно „производитъ впечатлѣніе не безсвязнаго соединенія частей, принадлежащихъ многимъ и разновременнымъ писателямъ, но цѣлостнаго произведенія одного писателя, относящагося къ одному времени, и вездѣ отражаетъ на себѣ личный характеръ именно пророка Исаи и его времени“; что „во всей книгѣ преобладаетъ одинъ и тотъ же „дерзновенный“ тонъ рѣчи, что „всѣ части книги проникнуты одною основною мыслью пророка Исаи „о спасеніи Божіимъ“; что „самое словесное выраженіе и языкъ не только сходны во всѣхъ частяхъ книги, но и имѣютъ характерныя особенности, свойственныя пророку Исаи въ общепризнанныхъ отдѣлахъ книги (стр. 807—808).

Печать серьезнаго и добросовѣстнаго изученія предмета лежитъ на всемъ трудѣ о. Ѳаддея. Очень внимательно и всесторонне изслѣдована самая книга пророка Исаи, — что особенно цѣнно; почти такъ же тщательно изучена и обширная нѣмецкая литература (не говоримъ о русской) по избранному вопросу.—Языкъ отличается точностью и ясностью. Даже и въ полемическихъ частяхъ онъ дышетъ тономъ спокойствія и ученаго безпристрастія.

Въ качествѣ магистерской диссертациі разсмотрѣнный трудъ долженъ быть признанъ вполне удовлетворительнымъ“.

в) Отзывъ экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ Сергѣя *Глаголева* о сочиненіи помощника инспектора Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, Александра *Покровскаго* подъ заглавіемъ: „Библейское ученіе о первобытной религіи. Опытъ библейско-апологетическаго изслѣдованія“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія:

„Сочиненіе г. А. Покровскаго представляет собою обширный апологетическій комментарий первыхъ шести главъ кн. Бытія. Его прямая задача—дать изложеніе вѣро—и нравоученія допотопнаго человѣчества, но выполненіе этой задачи неизбѣжно соединяется съ выполненіемъ другихъ — анализомъ священнаго текста, повѣствующаго о первобытныхъ временахъ, сличеніемъ библейскихъ данныхъ съ научными данными о первоисторіи человѣчества. Авторъ еще значительно расширилъ свою тему, намѣтивъ себѣ опроверженіе эволюціонныхъ воззрѣній на перворелигію человѣчества и сличеніе въ апологетическихъ цѣляхъ библейскаго повѣствованія съ древнѣйшими преданіями человѣчества. Авторъ, видимо, стремился къ тому, чтобы не оставить въ своемъ изслѣдованіи ни одного вопроса открытымъ, ни одного возраженія неустраненнымъ. Вслѣдствіе этого предметомъ его изслѣдованія оказывается почти весь текстъ первыхъ шести главъ, и его изслѣдованіе изъ монографіи по одному вопросу, касающемуся первыхъ кн. Бытія, превращается въ обширный комментарий этихъ главъ, снабженный тяжелой апологетической арматурой.

Отступая иногда очень далеко въ сторону отъ своей прямой задачи, авторъ никогда не забываетъ своей темы. Критика эволюціоннаго ученія о перворелигіи ему нужна, чтобы обосновать библейское ученіе; скандинавскія, греческія, авестическія сказанія о богахъ и первыхъ временахъ человѣчества ему нужны, чтобы отыскивать въ нихъ отдаленные отголоски библейской правды. По отношенію къ своей прямой задачѣ онъ сдѣлалъ все, что могъ. Онъ тщательно пытался выяснитъ, какія религіозныя истины были извѣстны патриархамъ человѣчества, какія заповѣди они имѣли для своего руководства, въ какихъ формахъ они выражали свое богопочитаніе.

Задача изслѣдованія автора была трудна и сложна, но онъ успѣшно довелъ до конца ея исполненіе. Его изслѣдованіе представляет собою полезный и цѣнный вкладъ въ православную богословскую науку, но сложность и разнообразность затронутыхъ въ немъ вопросовъ дѣлали неизбѣжнымъ то, что не всѣ они были рассмотрѣны авторомъ съ одинаковою полнотою и не вездѣ можно согласиться съ полученными имъ выводами.

Это должно сказать объ апологетической сторонѣ его сочиненія. Методъ его работы былъ тотъ, которымъ пользовались и доселѣ пользуются многіе апологеты. Для опроверженія возрѣній противниковъ онъ пользовался апологетическими изслѣдованіями, которыя направлялись противъ этихъ противниковъ, выбиралъ изъ имѣвшихся у него подъ руками апологетическихъ сочиненій взгляды и аргументы, которые казались ему наиболѣе правильными и убѣдительными и приводилъ ихъ въ опроверженіе антирелигіозныхъ ученій. Но этотъ методъ навсегда останется малоплоднымъ. Для того, чтобы *сознательно* отвергнуть то или иное возрѣніе на предметъ и установить на него свой собственный взглядъ, нужно непосредственно ознакомиться съ предметомъ, а не ограничиваться только знакомствомъ съ нѣкоторыми основаніями за и противъ извѣстныхъ возрѣній на него. Нашъ авторъ разбираетъ эволюціонный взглядъ на происхожденіе религіи и вѣрованія дикарей. Для такого разбора необходимо знаніе антропологіи и этнографіи, матеріала, которымъ онъ располагаетъ, и метода, которымъ онъ пользуется. Только тогда для автора можетъ быть ясна степень основательности того или иного взгляда на вопросъ, и только тогда для него можетъ быть понятно возникновеніе того или другого взгляда. Но изъ сочиненія г. Покровскаго мы видимъ, что онъ не пошелъ этимъ путемъ, но ограничился знакомствомъ съ теоріями, оставивъ безъ изученія фактъ, который эти теоріи хотятъ объяснить. Онъ приводитъ много выдержекъ и сообщеній изъ разныхъ книгъ, направляющихся противъ эволюціонизма, но эти доводы не могутъ имѣть большой силы убѣдительности. Читателю постоянно предносятся вопросы: а извѣстны-ли автору факты противоположнаго свойства? что онъ знаетъ о веддахъ, сингалезахъ, племенахъ акка? Знаетъ-ли авторъ, что эволюціонисты не игнорируютъ и считаютъ вполне объяснимыми съ ихъ точки зрѣнія тѣ факты, на которые онъ ссылается. Знаетъ-ли авторъ палеонтологическую исторію человѣка, насколько она независимо ни отъ какихъ теорій выяснена современной наукой. Его выпискамъ можно противопоставить безчисленный рядъ выписокъ противоположнаго свойства; въ его утвержденія объ обезьянахъ и дикаряхъ зоологи и антропологи могутъ потребовать внесенія небольшихъ поправокъ, которыя унич-

тожать все значеніе его разсужденія. Не ознакомился авторъ и съ археологическимъ матеріаломъ, имѣющимся для сужденія о первочеловѣчествѣ. Такой матеріаль, напр., собранъ въ С.-Жерменскомъ музеѣ близъ Парижа и о немъ можно составить очень опредѣленное представленіе по книгѣ Мортилье (+1898)—*Sur l' antiquité de l' homme*, по работамъ Рейнаха. Подобный же матеріаль имѣется въ музеѣ *fur Völkerkunde* въ Берлинѣ, съ нимъ можно ознакомиться по работамъ Бастіана и др. Безъ сомнѣнія, критическія замѣчанія и приводимые авторомъ факты имѣютъ значеніе, но они представляютъ собою лишь незначительный матеріаль для достиженія той цѣли, которой онъ хочетъ достигнуть своимъ небольшимъ трактатомъ о эволюціонной теоріи. Одна эта цѣль требуетъ значительно болѣе труда, чѣмъ сколько нужно для выполненія прямой задачи автора. Въ оправданіе автора однако нужно замѣтить, что, встрѣтивъ на пути своего изслѣдованія эволюціонную теорію, онъ не имѣлъ возможности сосредоточить свои занятія на ея разборѣ и нашелъ неудобнымъ обойти ее. Тогда онъ при помощи различныхъ противниковъ эволюціонизма написалъ трактатъ, въ которомъ собралъ возраженія противъ эволюціонной теоріи, изложилъ эту теорію въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ познакомился съ нею при изученіи изслѣдуемаго вопроса (въ формахъ предложенныхъ преимущественно историками религій, но не натуралистами). Въ этихъ формахъ она наиболѣе открыта для нападеній (авторъ не коснулся возрѣній Дарвина, Ванъ-Энде и др.). Эволюціонисты не согласятся съ доводами автора, но антиэволюціонистъ при систематическомъ изслѣдованіи вопроса, какъ полезнымъ пособіемъ, воспользуется и работою нашего автора.

Съ апологетическими цѣлями авторъ привлекаетъ въ свое сочиненіе преданія народовъ. Позволительно думать, что онъ нѣсколько преувеличиваетъ ихъ апологетическое значеніе. Онъ не снабжаетъ эти преданія справками о томъ, какіе взгляды существуютъ въ наукѣ на время ихъ происхожденія и способъ образованія. Между тѣмъ историческія справки въ этомъ отношеніи могли бы быть очень поучительными. Такъ, для автора вопросъ о сходствѣ авестическихъ преданій съ библейскими (стр. 287--289) рѣшается очень просто: авестическія преданія — отголосокъ перво-

бытної исторіи человечества, сохранившійся у иранцевъ, хотя и въ искаженномъ видѣ. Но на самомъ дѣлѣ для принятія этого мнѣнія представляются большія трудности. Иранцы-арійцы; нѣтъ основаній считать ихъ и старшею вѣтвью арійцевъ; въ другихъ вѣтвяхъ арійцевъ нѣтъ преданій подобныхъ тѣмъ, которыя находятся въ Авестѣ и чрезвычайно приближаются къ библейскимъ. Съ другой стороны, персы въ VI столѣтіи вступають въ общеніе съ евреями, а книги персовъ, въ которыхъ содержатся повѣствованія сходныя съ библейскими, происхожденія гораздо позднѣйшаго, чѣмъ VI в. до Р. Х. Не естественнѣ-ли здѣсь объяснять сходство заимствованіями, а не общностью воспоминаній? Точно такъ же, какъ привлекать для апологетическихъ цѣлей миѳологию германцевъ (стр. 616) и искать въ ней воспоминаній о библейскихъ событіяхъ, когда миѳы германцевъ записаны уже въ христіанскую эру, и на нихъ несомнѣнно отразилось христіанское вліяніе? Преданія — темная вещь. Мы не думаемъ совсѣмъ отрицать ихъ значеніе, находимъ весьма цѣлесообразнымъ то, что авторъ собралъ ихъ въ своемъ изслѣдованіи. Только въ постоянномъ стремленіи автора видѣть въ нихъ искаженіе библейской правды, а не продуктъ самостоятельнаго творчества воображенія народовъ мы видимъ увлеченіе, которое ведетъ его иногда къ ошибочнымъ выводамъ.

Въ своемъ стремленіи устанавливать по возможности вездѣ согласіе Библии и науки г. Покровскій попытался заняться и устраненіемъ конфликта между Библией и естествознаніемъ въ вопросѣ о твореніи земли. Онъ принялъ визионерную теорію, согласно которой дни творенія суть дни видѣній. Адаму, по предположенію этой теоріи, въ видѣніи была показана исторія творенія міра, при чемъ каждая эпоха творенія представлялась въ видѣніи продолжавшеюся въ теченіе нѣкоторой законченной единицы времени, которую бытописатель называетъ днемъ (60—61 стр., но она не была днемъ дѣйствительно). Г. Покровскій думаетъ этою теорією спасти буквальное пониманіе дня въ 1-ой гл. кн. Бытія, избѣжать натяжекъ и примирить Библию съ наукой. Къ его темѣ этотъ вопросъ не имѣлъ прямого отношенія, и мы склонны думать, что онъ поступилъ бы лучше, если бы совсѣмъ оставилъ его въ сторонѣ. Принимаемая имъ теорія

вызываетъ много недоумѣній. Адамъ созерцалъ исторію творенія въ видѣніи. Спрашивается, какъ могъ видѣть Адамъ созданіе пространства? Затѣмъ видѣть можно только при нѣкоторомъ свѣтѣ, но начало творенія (1 и 2 ст. кн. Быт.) происходило при отсутствіи свѣта. Такимъ образомъ, по теоріи принимаемой нашимъ авторомъ Адамъ созерцалъ событія, совершавшіяся въ непроницаемомъ мракѣ. Авторъ, какъ и всѣ сторонники этой безусловно не имѣющей для себя никакихъ основаній теоріи, упускаетъ изъ вида, что есть многое, что мы можемъ понимать при помощи слова, но чего не можетъ видѣть человѣческое зрѣніе. Я могу понять, какъ образуются моря (9 и 10 стр.), но этотъ процессъ происходитъ въ такомъ масштабѣ, что я его не могу видѣть. Имѣя много противъ себя, визионерная теорія ничего не даетъ. Слово *yot* съ точки зрѣнія ея употребляется въ 1-ой гл. кн. Бытія невѣрно, она противорѣчитъ всему строю 1-ой главы, излагающей божественныя опредѣленія („сказалъ Богъ“) и ихъ осуществленіе („и стало“), но совсѣмъ не описывающей картинъ событій (каковыя являются въ видѣніяхъ). Правда, не мало существуетъ теорій еще менѣе состоятельныхъ, чѣмъ визионерная, и трудно указать апологетическія толкованія 1-ой главы, которыя не вызывали бы противъ себя серьезныхъ возраженій, но автору для выполнения его задачи нужно было не изслѣдованіе того, какимъ образомъ люди получили откровеніе о твореніи и какъ понимать его, а то, какъ его могли и должны были понимать люди патріархальнаго времени, какія извлекали изъ него они моральныя и догматическія истины (о Богѣ, какъ Творцѣ всего; о высококомъ назначеніи человѣка; о субботѣ), и эти стороны вопроса г. Покровскій разсматриваетъ и изслѣдуетъ съ успѣхомъ.

Успѣшнымъ и основательнымъ представляется намъ у г. Покровскаго и вообще изслѣдованіе и разрѣшеніе вопросовъ, прямо относящихся къ его темѣ — выясненію библейскаго ученія о религіи допотопныхъ патріарховъ. Здѣсь автору прежде всего должна быть поставлена въ заслугу тщательная заботливость въ выборѣ руководителей и пособій. Ему приходилось обращаться за помощью и къ католикамъ, и къ протестантамъ, и къ рационалистамъ, онъ пользовался многими англійскими, французскими и нѣмецкими пособи-

ями, но онъ нигдѣ въ своемъ сочиненіи не уклонился ни на право, ни на лѣво отъ православнаго пониманія. Пользуясь учеными указаніями вездѣ, гдѣ они даются, онъ своими неизмѣнными руководителями имѣеть св. отцовъ, его непогрѣшимымъ коррективомъ служить ученіе православной церкви. Авторъ—свѣдущій и осторожный православный богословъ. Автору въ его изслѣдованіи представлялись двѣ опасности: или стать на слишкомъ критическую почву и придти къ выводу, что о перворелигійи человѣчества нельзя сказать почти ничего, или дать слишкомъ широкій просторъ своему воображенію и нарисовать подробную, но фантастическую картину изъ временъ первочеловѣчества. Авторъ счастливо избѣжалъ обѣихъ этихъ опасностей: онъ постарался извлечь изъ указаній Св. Писанія по возможности все, что въ нихъ заключается, но не болѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего изслѣдованія онъ какъ будто переходитъ эти границы (предположеніе, что Каинъ съ Авелемъ приносили жертву въ субботу, стр. 789; довольно произвольное изложеніе жизни Каина, стр. 538), но и здѣсь онъ ищетъ нѣкоторыхъ опоръ для своихъ догадокъ, и затѣмъ, и здѣсь его выводы стоятъ въ полномъ согласіи съ тѣми положительными результатами, которые устанавливаются въ его сочиненіи на основаніи серьезныхъ данныхъ. Въ сочиненіи г. Покровскаго религіозная жизнь первочеловѣчества изображается съ такою полнотою, какой читатель не найдетъ въ другихъ изслѣдованіяхъ. Не смотря на полноту и обширность сочиненія, въ немъ очень легко ориентироваться. У автора чрезвычайно отчетливый планъ изслѣдованія, строгая система, обычай—резюмировать свои выводы (итоги его изысканій изложены имъ въ VI—последней—главѣ его сочиненія), и наконецъ, сочиненіе его снабжено подробнымъ изложеніемъ его содержанія. Строго-православный характеръ, полнота, обстоятельность и основательность выводовъ, легкость и ясность изложенія, вотъ—качества труда г. Покровскаго.

Цѣнность этихъ качествъ возвышается еще тѣмъ болѣе, что въ своемъ изслѣдованіи г. Покровскій не имѣлъ ни готовыхъ образцовъ, по которымъ бы онъ могъ производить свою работу, ни прямыхъ отвѣтовъ на свою тему. Исторія богооткровенной религіи въ ея древнѣйшіе моменты доселѣ мало была предметомъ изслѣдованій. Между тѣмъ теперь.

когда постоянно появляются новыя и новыя книги въ рационалистическомъ духѣ о первобытной религіи, особенно желательное появленіе изслѣдованій устанавливающихъ православный взглядъ на изначальныя религіозныя судьбы чело-вѣчества. И у правомыслящихъ образованныхъ людей постоянно встрѣчающихъ въ книгахъ заявленія, что первые люди или не имѣли религіи, или имѣли крайне нелѣпыя религіи, необходимо долженъ возникнуть вопросъ: какъ же на самомъ дѣлѣ вѣровали люди первобытной эпохи и какъ они почитали Бога? Работа г. Покровскаго представляетъ попытку дать отвѣтъ на этотъ неизбѣжный вопросъ. Онъ вложилъ въ свою работу много знаній и много труда и проявилъ много критическаго такта и способностей въ разборѣ различныхъ мнѣній и выборѣ между ними. Своею работою онъ даетъ многое и даетъ надежду, что въ будущемъ дастъ еще больше. Присужденіе ему степени магистра богословія является естественною наградою за его полезный трудъ“.

г) Отзывъ о томъ же сочиненіи экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завета Василія *Мышцына*:

„Введеніе къ сочиненію А. Покровскаго по значительности своего объема (СХVII стр.) заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ особо. Авторъ увѣренъ, что „оригинальное заглавіе“ его труда, именно „соединеніе терминовъ: первобытная религія и библейское ученіе“ вызоветъ въ современномъ интеллигентѣ удивленіе и недоумѣніе, такъ какъ первое выраженіе по ходячему взгляду означаетъ состояніе первобытной дикости, второе указываетъ на библию, какъ на источникъ для характеристики первобытнаго состоянія. Съ цѣлью разсѣять такое недоумѣніе и оправдать *raison d'être* своего изслѣдованія, авторъ и предлагаетъ свое введеніе (XVII стр.).

Мы думаемъ однако, что авторъ совершенно напрасно беспокоится за заглавіе своего сочиненія. Подобное заглавіе съ такимъ именно сочетаніемъ терминовъ: „первобытная религія“ и „библейское ученіе“ (точнѣе: „библейскія данныя“, такъ какъ въ библии собственно „ученія“ нѣтъ) можетъ поставить свободно всякій рационалистъ. У Велльгаузена, Мейнхольда, Марти, Грюнвальда очень часто встрѣчаются указанія на библейскія свидѣтельства о фетишизмѣ, культѣ предковъ,

пандемонизмъ и о другихъ формахъ грубаго язычества, по ихъ мнѣнію предшествовавшихъ монотеизму. Различіе между ними и нашимъ авторомъ не въ соединеніи означенныхъ терминовъ, а главнымъ образомъ въ томъ, гдѣ находятся библейскія свидѣтельства о первобытной религіи, въ первыхъ-ли главахъ книги Бытія, какъ нашъ авторъ, или въ косвенныхъ указаніяхъ, разбросанныхъ по всей библии, преимущественно въ именахъ и названіяхъ, какъ рационалисты, отрицающіе древнее происхожденіе первыхъ главъ книги Бытія. Итакъ заглавіе сочиненія г. Покровскаго не требовало отъ него никакого оправданія. И если что слѣдовало оправдывать автору, такъ это то, почему онъ продолжаетъ находить матеріалъ для своего изслѣдованія въ начальныхъ главахъ Бытія въ то время, какъ „современные интеллигенты“ оставляютъ ихъ безъ вниманія въ вопросѣ о первобытномъ состояніи человѣчества. Другими словами вмѣсто общихъ разсужденій о необходимости вѣры въ наукѣ и о дѣйствительности сверхъестественнаго откровенія мы предпочли бы видѣть въ введеніи краткую, но точную и твердую оцѣнку главнѣйшихъ основаній, по которымъ современная библейская критика отказывается судить о первобытной религіи по первымъ главамъ книги Бытія.

Этотъ пробѣлъ чувствуется и при чтеніи самого сочиненія. Въ немъ 6 главъ, изъ которыхъ первая пять посвящены анализу 6 начальныхъ главъ книги Бытія. Каждая изъ пяти главъ сочиненія состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: въ первомъ дается объясненіе библейскихъ повѣствованій, во второмъ—раскрывается ихъ теоретическій, догматико-этический смыслъ, въ третьемъ—библейскія данныя подтверждаются древними преданіями народовъ, особенно свидѣтельствами древнихъ халдейскихъ памятниковъ. Какъ видно, авторъ не только раскрываетъ, но и доказываетъ библейское ученіе. Объ апологетическомъ характерѣ своего изслѣдованія онъ самъ заявляетъ на 1-ой стр. „По общему своему направленію нашъ опытъ—апологетическаго характера: онъ посвященъ защитѣ библейскаго ученія о первобытной религіи человѣчества.... главнымъ образомъ отъ ударовъ библейско-раціоналистической критики“. Но въ тоже время авторъ самъ предупреждаетъ читателя, что онъ не намѣренъ „ринуться въ пучину (этой же самой) библейской критики“ (2 стр.) т. е.

разсмотрѣть рационалистическія мнѣнія (по крайней мѣрѣ, поскольку въ нихъ есть общаго) о происхожденіи первыхъ главъ книги Бытія. Можно-ли такую защиту отъ ударовъ библейско - рационалистической критики назвать полною? Едва ли. Было время, когда достовѣрность библейскихъ свидѣтельствъ о первобытномъ состояніи человѣчества отрицали на основаніяхъ философскихъ, историческихъ и этнографическихъ; теперь на помощь такому отрицанію явилась библейская критика, имѣющая уже громадную литературу. Слѣдовательно и защита библейскаго ученія не должна миновать ея.

Другой довольно существенный недостатокъ сочиненія г. Покровскаго въ иномъ родѣ. Если тамъ авторъ ограничилъ свою задачу, то въ другомъ случаѣ онъ расширилъ ее, и опять по нашему мнѣнію въ ущербъ научности сочиненія. Предметъ автора—библейское ученіе о первобытной религіи, т. е. религіозныя вѣрованія и культъ первыхъ людей по изображенію библии. Тема изслѣдованія ясна и опредѣленна. Авторъ долженъ былъ имѣть дѣло съ религіей первыхъ людей, но отнюдь не съ религіей самого бытописателя. Онъ долженъ былъ направить весь свой анализъ на религіозныя представленія, понятія и дѣйствія, усвояемые бытописателемъ перзымъ людямъ, но не принадлежащія ему самому. Между тѣмъ авторъ излагаетъ подробно содержаніе 6 главъ книги Бытія съ объясненіемъ всѣхъ главнѣйшихъ моментовъ первоисторіи (твореніе міра въ 6 дней, созданіе человѣка, грѣхъпаденіе и т. д.) и важнѣйшихъ выраженій (евр. словъ, соответствующихъ русскимъ: „въ началѣ“, „сотворилъ“, „небо“, „день“, „лицо Божіе“ и мн. др.) и на основаніи того и другаго раскрываетъ содержаніе всѣхъ религіозныхъ, нравственныхъ и бытовыхъ идей, заключающихся въ 6 главахъ книги Бытія, напр. библейскую космогонію, ученіе о свойствахъ Божіихъ, о совершенствѣ міра, о цѣли созданія его, о матеріальности и смертности природы Адама, о безсмертіи духа, объ образѣ и подобіи Божіемъ, о грѣхѣ, о всеобщности и наслѣдственности грѣха, о слѣдствіяхъ грѣха, о трехчастномъ составѣ человѣка, о зачаткахъ ученія о Троичности и т. д. Все это въ самомъ лучшемъ случаѣ можно назвать раскрытіемъ идей бытописателя: говоримъ—въ лучшемъ случаѣ потому, что авторъ привнесъ въ

толкованіе не мало богословскихъ идей, которыя едва-ли имѣлъ бытописатель. Но признать все это содержаніемъ религіи первыхъ людей уже рѣшительно нельзя. Правда, авторъ нерѣдко указываетъ основанія для усвоенія нѣкоторыхъ понятій первымъ людямъ. Но не говоря о томъ, что и здѣсь онъ не идетъ далѣе предположеній, для значительной части библейскаго матеріала, обследованнаго имъ, нѣтъ и быть не можетъ никакихъ основаній вносить его въ содержаніе религіи первыхъ людей.

Если мы будемъ разсматривать сочиненіе г. Покровскаго независимо отъ его прямыхъ задачъ, то должны будемъ отмѣтить въ немъ значительныя достоинства. Самую важную заслугу автора, по нашему мнѣнію, составляетъ довольно полный и обстоятельный комментарий на 6 главъ книги Бытія. Избѣгая экзегетическихъ мелочей, авторъ подробно останавливается на выясненіи мѣстъ, болѣе или менѣе важныхъ для ветхозавѣтнаго вѣро-и нравоученія, причемъ обнаруживаетъ значительное знакомство съ экзегетической и библейско-богословскою литературою. Особенное вниманіе обращаетъ авторъ на тѣ мѣста, въ которыхъ рачіоналисты стараются отыскать основанія къ своему пониманію библіи. Въ большинствѣ случаевъ не сходя съ экзегетической почвы, авторъ вездѣ даетъ толкованія, вполне согласныя съ православнымъ ученіемъ и церковными преданіями. Однако трудъ автора не представляетъ собою отрывочнаго комментарія. Благодаря тщательному выясненію внутренней стороны заключающагося въ 6 главахъ книги Бытія библейскаго матеріала, его отвлеченно-богословскаго смысла, сочиненіе г. Покровскаго рисуетъ первоисторію міра и человечества въ цѣльной и стройной картинѣ, вызывая въ читателѣ вполне определенное и ясное впечатлѣніе. Предоставляя специалисту судить о научномъ качествѣ свѣдѣній по исторіи языческихъ религій, мы не можемъ не одобрить попытку автора подтвердить достовѣрность библейскихъ сказаній преданіями древнихъ народовъ. Это вполне отвѣчаетъ апологетическому характеру сочиненія.

Указанныя достоинства труда г. Покровскаго даютъ намъ основаніе признать автора вполне достойнымъ степени магистра богословія“.

д) Отзывъ экстраординарнаго профессора Академіи по ка-

едрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта Василя *Мышцына* о сочиненіи преподавателя Виѣанской Духовной Семинаріи Дмитрія *Введенскаго* подъ заглавіемъ: „Ученіе Ветхаго Завѣта о грѣхѣ“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія:

„Сочиненіе г. Введенскаго состоитъ изъ пяти главъ и введенія, въ которомъ кратко говорится о важности вопроса о грѣхѣ съ ветхозавѣтной точки зрѣнія и указывается литература предмета:

1-я глава. Сущность грѣха. Здѣсь авторъ анализируетъ большую часть библейскихъ наименованій грѣха съ ихъ филологической стороны и находитъ, что всѣ они недостаточны для опредѣленія самой сущности грѣха. Во всѣхъ наименованіяхъ входитъ идея уклоненія отъ какой-либо нормы (цѣли, линіи, порядка и т. д.). Но въ чемъ заключается норма, и въ какой степени нарушается она въ грѣхѣ, на это въ наименованіяхъ грѣха указаній нѣтъ. Этотъ недостатокъ филологическаго анализа пополняется прямыми библейскими указаніями на волю Божію, какъ на единственную норму, уклоненіе отъ которой составляетъ грѣхъ. Однако эта норма въ своихъ внѣшнихъ формахъ не остается неизмѣнною. Она такова была лишь по своей сущности. Со стороны же историческаго и конкретнаго ея содержанія она есть нѣчто развивающееся, въ зависимости отъ чего видоизмѣняется съ формальной стороны и понятіе грѣха. Сначала эта норма мыслится въ формѣ обычая, освященнаго Богомъ. Грѣшить отсюда значитъ дѣлать то, чего не дѣлаютъ (Быт. 20, 9), вопреки требованіямъ обычая (—38, 8). Авторъ опровергаетъ при этомъ взгляды Смита и Клемена, утверждающихъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ нормою часто мыслится извѣстный порядокъ, независимо отъ воли Божіей. Послѣ синайскаго законодательства нормою являются преимущественно предписанія закона Божія. Въ эпоху пророковъ оба эти посредства въ отношеніи человѣка къ Богу (обычай и законъ) ступеньваются, и нравственной нормою объявляется непосредственная воля Божія, а грѣхомъ — внутреннее грѣховное движеніе сердца. Это — самая высшая ветхозавѣтная точка зрѣнія на нравственную норму и грѣхъ. Въ ней формальное опредѣленіе грѣха вполне совпадаетъ съ понятіемъ его глубочайшей сущности.

2 глава. *Субъектъ или носитель грѣха.* Какъ носитель грѣха, человѣкъ долженъ быть разсматриваемъ съ двойкой точки зрѣнія, какъ представитель рода и какъ индивидуумъ. Это различіе примиряетъ видимое противорѣчіе между мѣстами библіи, гдѣ говорится о всеобщности грѣха, и мѣстами, гдѣ констатируется праведность нѣкоторыхъ лицъ. Обосновавъ ученіе В. З. о всеобщности и врожденности грѣха на неподлежащихъ сомнѣнію мѣстахъ библіи, авторъ основательно опровергаетъ возраженія Бретшнейдера, Клемена, Руэтши, Кайзера, Дилльманна и Кнобеля, въ большей или меньшей степени отрицающихъ существованіе въ В. З. ученія о врожденности грѣха. Въ концѣ главы авторъ говоритъ о различіи въ В. З. степеней грѣха, о различіи грѣховъ сознательныхъ и безсознательныхъ (противъ Штаде, Клемена и Сменда).

3 глава. *Происхожденіе грѣха.* Разобравъ мнѣніе Мюллера о довременномъ паденіи душъ, авторъ даетъ подробный анализъ библейскому сказанію о грѣхопадении, излагаетъ и разбираетъ аллегорическое и миѳологическое толкованіе его (Гегеля, Шиллера, Бауэра, Бретшнейдера, Болена, Рейсса, Велльгаузена, Гофманна, Руэтши, Сменда и Кайзера) и пониманіе Мартенсена, Ничше, Вейссе, Шенкеля и Шульцта, видящихъ въ библейскомъ повѣствованіи о паденіи образное представленіе дѣйствительнаго факта, и наконецъ раскрываетъ положительный смыслъ повѣствованія. Опровергнувъ мнѣніе, приписывающее В. З. мысль о происхожденіи грѣха отъ Бога (Штаде, Клемена, Кайзера, Ренана и др.) и отъ плоти (Руэтши, Клемена и др.), авторъ въ концѣ главы указываетъ слѣды библейскаго повѣствованія о грѣхопадении въ позднѣйшихъ книгахъ В. З. и кратко въ преданіяхъ языческихъ народовъ.

4 глава. *Слѣдствія грѣха.* Подъ ними авторъ разумѣетъ физическое зло и смерть. Объективное наказаніе за грѣхъ, какъ и субъективное сознаніе вины, съ библейской точки зрѣнія разсматриваются, не какъ нѣчто привходящее отъ внѣ, но лишь какъ простое слѣдствіе, вытекающее изъ грѣха и возвращающееся на самого же виновника. Авторъ подтверждаетъ это многими мѣстами изъ библіи и въ тоже время объясняетъ мѣста, повидимому противорѣчація этой мысли, напр. извѣстное мѣсто о наказаніи до третьяго и четвертаго

рода. Но не всякое зло есть, по учению В. З., наказание. По отношению къ праведникамъ оно можетъ быть воспитательнымъ средствомъ. Излагая ветхозавѣтное учение о смерти, авторъ говоритъ о возможности безсмертія для первыхъ людей и опровергаетъ взглядъ Клемена, Кайзера, Штаде, Вейссе, Бретшнейдера и др., по которому смерть представляется въ библіи, слѣдствіемъ не грѣха, а тлѣнности человѣческой природы.

5 глава. Общій взглядъ на ветхозавѣтное учение о возможности борьбы человека съ силою грѣха. Въ силу всеобщности и врожденности грѣха человѣкъ своими силами не можетъ возстановить завѣтъ съ Богомъ. Онъ возстановляется милосердіемъ Божиимъ, выраженіемъ котораго служили жертва и ходатайство праведниковъ о грѣшникахъ, возводившее мысль къ Единому Ходатаю—Мессіи, долженствовавшему пострадать за людей.

Какъ видно отчасти уже изъ краткаго изложенія содержания сочиненія г. Введенскаго, главнымъ достоинствомъ его является правильная постановка вопроса и вполне научный методъ изслѣдованія. Задача автора состояла въ томъ, чтобы собрать и уяснить весь относящійся къ его предмету библейскій матеріалъ и, по возможности придерживаясь устанавливаемой въ самой библіи связи понятій, привести его въ систему. Онъ воздерживается отъ догматическихъ и философскихъ умозрѣній на почвѣ библейской и не навязываетъ ветхозавѣтному представленію понятій новозавѣтныхъ и церковныхъ. У него выводъ слѣдуетъ за изъясненіемъ текста, а не наоборотъ. Благодаря этому сочиненіе его представляетъ собою опытъ систематическаго экзегеса. При такой постановкѣ дѣла, автору необходимо было изучить библію съ интересующей его стороны и ознакомиться съ результатами изученія библіи другими. То и другое выполнено авторомъ въ достаточной мѣрѣ. Не ограничиваясь готовыми собраніями ветхозавѣтныхъ цитатъ, находившимися въ бывшихъ у него подъ руками трудахъ, но самостоятельно изучая библейскій матеріалъ, онъ въ тоже время на каждомъ шагу старается провѣрять свое пониманіе результатами новѣйшихъ экзегетическихъ и библейско-богословскихъ работъ. Кромѣ различныхъ латинскихъ и нѣмецкихъ комментаріевъ на В. З. (Корн. а Ляпида, Баумгартена, Делича,

Кейля, Кнобеля, Дилльманна, Лянге, Штракка и Цокклера, Корнели, Кнабенбауера, Гуммеляуера и др.) и библейскихъ богословіи и исторіи (Дилльманна, Сменда, Кайзера, Шульца, Олера, Бестманна, Гофмана, Евальда, Дума, Штаде, Келера и др.), авторъ пользовался прямо относящимися къ его темѣ трудами Клемена, Руэтши, Мюллера, Филиппи, Умбрейта, Бретшнейдера, Краббе, Толюкка, а также Гофманна, Ричля, Вебера, Будде, Велльгаузена, Зеллина, Лебедева и Велтистова. Изъ всѣхъ этихъ трудовъ авторомъ постоянно приводятся выдержки всегда съ точной цитацией. Такъ какъ большая часть этихъ ученыхъ имѣетъ свой односторонній и предвзятый взглядъ на предметъ, то автору часто приходится по лемизировать съ ними. Однако полемика эта большею частью ведется, какъ и слѣдовало, на почвѣ экзегеса и притомъ занимаетъ въ сочиненіи обычно второстепенное мѣсто, будучи большею частью помѣщаема подъ строкой. Плодомъ правильной постановки вопроса, научнаго метода и основательнаго знакомства съ литературой предмета является у автора всестороннее и вообще безпристрастное раскрытіе ветхозавѣтнаго понятія о грѣхѣ. Какихъ либо существенныхъ недостатковъ въ сочиненіи г. Введенскаго мы не нашли. Пробѣлы незначительны и по количеству и по качеству. Напрасно, напр., авторъ отрицаетъ по временамъ антропоморфическія представленія о Богѣ въ Св. Писаніи и можетъ быть не вполне точные взгляды у нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ людей, не принадлежавшихъ къ избраннымъ людямъ своего времени. Въ 4 главѣ въ рѣчи о Богѣ, гнѣвающимся и карающемъ, авторъ смотритъ на ветхозавѣтное ученіе, какъ на нѣчто однажды данное и отъ начала до конца тожественное. Это едва-ли вѣрно. Въ 5 главѣ совсѣмъ не выясняется связь между институтомъ жертвъ и идеею о Ходатаѣ за грѣшниковъ и Рабѣ Божиѣмъ. Не выяснено также, почему по ветхозавѣтному представленію Мессія долженъ былъ страдать за людей, разъ Онъ является Ходатаемъ за грѣшниковъ. Остальные пробѣлы, указанные нами при представленіи сочиненія г. Введенскаго на степень кандидата богословія, въ должной мѣрѣ восполнены авторомъ.—

Въ виду весьма значительныхъ достоинствъ сочиненія г. Введенскаго, мы считаемъ его вполне достойнымъ степени магистра богословія“.

е) Отзывъ о томъ же сочиненіи ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ Св. Писанія Новаго Завѣта Митрофана Муретова:

„Кромѣ краткаго указанія на возможность и важность вопроса о грѣхѣ съ ветхозавѣтной точки зрѣнія и перечисленія пособій—въ началѣ сочиненія и общаго изложенія основныхъ тезисовъ сочиненія—въ концѣ его,—диссертация г. Введенскаго состоитъ изъ пяти главъ. Въ первой главѣ, озаглавливающейся „сущность грѣха“ (стр. 1—87), доказывається, что а., „грѣхъ по ученію Ветхаго Завѣта *всегда понимался (къмъ?) морально* (курсивы автора), какъ грѣхъ предъ Богомъ; б., что нормою, опредѣляющею отклоненіе человѣка отъ Бога, *по ея внутреннѣйшей сторонѣ, всегда была воля Божія*; с., что эта норма была *опосредствована опредѣленнымъ содержаніемъ* (обычаи, предписанія закона Моисеева и т. п.), каковое содержаніе въ свою очередь сообщало особыи характеръ и формальному опредѣленію грѣха; д., что на послѣдней стадіи развитія ветхозавѣтной идеи грѣха *эта норма понимается чисто этически, почему и формальное опредѣленіе грѣха вполне совпадаетъ съ понятіемъ его глубочайшей сущности*“ (стр. 86—87). Во второй главѣ подъ заглавіемъ: „субъектъ или носитель грѣха въ связи съ выясненіемъ вопроса о врожденности грѣха“ (стр. 87—168) авторъ разсматриваетъ грѣхъ: а., въ отношеніи къ человѣческому роду или человечеству вообще, откуда объясняются прирожденность и всеобщность грѣха и разрѣшаются соединенныя съ этими понятіями богословско-догматическія недоумѣнія,—и б., въ отношеніи къ каждому отдѣльному лицу, откуда объясняются индивидуальныя особенности и разныя степени грѣховности каждаго человѣка. Глава третья: „происхождение грѣха“ (стр. 169—358) доказываетъ, что грѣхъ есть явленіе историческое, какъ изображается онъ въ книгѣ Бытія, причемъ опровергается аллегорическое толкованіе библейскаго повѣствованія о грѣхопаденіи нашихъ прародителей, утверждается подлинность этого повѣствованія вопреки возраженіямъ противъ нея со стороны отрицательно-раціоналистической критики и отстраняется мысль, что Богъ есть виновникъ грѣха и плоть есть его источникъ. Въ четвертой главѣ (стр. 359—470) раскрывается „слѣдствіе грѣха“, именно: а., виновность грѣха и наказаніе за него, причемъ особому раз-

смотрѣнію подвергается вопросъ о ветхозавѣтномъ возрѣніи на Бога, какъ на „метителя“ и гнѣвающагося судію, б., связь зла съ грѣхомъ Адама и Евы, возростаніе зла въ зависимости отъ возростанія грѣха среди людей и ветхозавѣтная точка зрѣнія на носителя грѣха и наказанія,—и в., смерть, какъ необходимое слѣдствіе грѣха. Послѣдняя глава подъ заглавіемъ: „общій взглядъ на ветхозавѣтное ученіе о возможности борьбы человѣка съ силою грѣха“ (стр. 470—516) посвящена раскрытію ветхозавѣтнаго ученія о примиреніи человѣка съ Богомъ и объ освобожденіи человѣка отъ грѣха или искупленіи, причемъ авторъ доказываетъ: недостаточность субъективной возможности примиренія человѣка съ Богомъ для полного его искупленія, необходимость милости и любви Божіей для этого, значеніе кровавой жертвы и сокрушеннаго сердца въ дѣлѣ примиренія человѣка съ Богомъ и значеніе вѣры ветхозавѣтнаго человѣка въ „Идеальнаго Ходатая“ и въ оправданіе „отъ Бога“.

По общему своему характеру диссертація г. Введенскаго представляетъ собою выдѣленный въ особую тетрадь систематическій толковникъ къ тѣмъ мѣстамъ Ветхаго Завѣта, кои обычно приводятся догматическими руководствами въ соотвѣтствующихъ параграфахъ подъ рубрикою доказательствъ изъ Ветхаго Завѣта. Такимъ характеромъ диссертаціи Введенскаго объясняются слѣдующія ея особенности:

1) Въ рѣшеніи указанныхъ вопросовъ авторъ старается строго ограничиваться однимъ только Ветхимъ Завѣтомъ, не касаясь подробно ни ученія Новаго Завѣта о грѣхѣ, ни раскрытія этого ученія въ древне-христіанской литературѣ,— что обычно излагается въ догматикахъ, въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ, вмѣстѣ съ ветхозавѣтнымъ ученіемъ. Но такое отношеніе автора къ Новому Завѣту и къ древне-церковной исторіи догмата о грѣхѣ частію искусственно, а частію и едва-ли законно. Оно искусственно, ибо нашъ авторъ въ началѣ (стр. II) своего сочиненія рѣшительно утверждаетъ, что самъ „Ветхій Завѣтъ нигдѣ не ставитъ своею прямою задачею раскрытіе ученія о грѣхѣ“ (курсивъ нашъ). А какъ именно такую прямую задачу ставятъ Новый Завѣтъ и церковные учителя догматическаго періода,—и съ этою именно задачею нашъ авторъ обращается и къ Ветхому Завѣту, находя въ немъ рѣшенія, какія даны въ Новомъ Завѣтѣ и у

древне-христіанскихъ его истолкователей: то преднамѣренное отсутствіе ихъ въ сочиненіи есть не болѣе, какъ только искусственное, совершенно излишнее и для дѣла неблагодарное устраненіе того, что молча все таки вездѣ авторомъ предполагается, какъ скрытый *deus ex machina* всего его труда. Оно едва-ли и законно, ибо если авторъ находитъ нужнымъ пользоваться новѣйшими толкованіями Ветхого Завѣта, по духу и времени ему уже очень далекими, то не тѣмъ-ли болѣе слѣдовало прежде всего и повсюду обращаться, хотя бы въ качествѣ экзегетическихъ параллелей по изслѣдуемымъ авторомъ вопросамъ, къ Новому Завѣту, какъ продолженію, исполненію и изъясненію ветхозавѣтнаго откровенія, и къ экзегетамъ—догматистамъ святоотеческаго періода, какъ наиболѣе совершеннымъ носителямъ библейскаго духа? Искусственность и незаконность такого отношенія къ Новому Завѣту и древне-отеческимъ экзегетамъ-догматистамъ, повидимому, чувствуетъ и самъ авторъ, если иногда все-таки находитъ себя вынужденнымъ обращаться и къ Новому Завѣту и къ святымъ отцамъ. Кратко: вопросы христіанскаго, и въ частности новозавѣтнаго богословія могутъ быть плодотворно изслѣдуемы по отношенію къ Ветхому Завѣту только въ неразрывной и всесторонней связи какъ съ новозавѣтнымъ ученіемъ, такъ и вообще съ исторіею догмата въ древне-христіанской церкви.

2) Какъ обычно въ догматическихъ системахъ, нашъ авторъ съ напередъ данными вопросами обращается къ Библии (частіе—къ одному только Ветхому Завѣту), какъ къ единому и безразличному источнику или одной живой личности, безотносительно отъ той священной книги, изъ коей извлекается отвѣтъ, отъ ея писателя, отношенія къ другимъ книгамъ, времени и мѣста ея написанія и вообще историческихъ и индивидуально-психологическихъ условій ея происхожденія. Напримѣръ въ вопросѣ о необходимости грѣха для ветхозавѣтнаго человѣка или другомъ-какомъ изъ рѣшаемыхъ въ разсматриваемомъ сочиненіи изыскиваемые на нихъ отвѣты авторъ не подвергаетъ ближайшему и точнѣйшему обсужденію по отношенію къ книгѣ, въ коей они находятся, будетъ-ли то книга Бытія, или Судей, или Иова, или Псалмы Давида, или позднѣйшіе, или пророки, или даже книга Премудрости Соломона и Ездры. Если экзегетъ, по

древне - отеческой герменевтикѣ, при изъясненіи священныхъ текстовъ всегда долженъ имѣть въ виду, кто говоритъ, кому, когда, для чего и пр., то для нашего автора, какъ библейскаго догматиста, достаточно только того, что извѣстный текстъ есть въ Библии и что онъ имѣетъ такой, а не иной, непосредственно-грамматическій смыслъ.

3) Но при такой библейско-догматической обработкѣ вопроса можетъ казаться излишнею и общему характеру труда не соответствующею обширная трактация о подлинности повѣствованія книги Бытія о грѣхопаденіи прародителей, со справками и параллелями изъ древнихъ религіозныхъ преданій народовъ и даже изъ клинообразнаго Генезиса. Не понятно, почему авторъ занялся только этимъ частнымъ вопросомъ, между тѣмъ какъ онъ не касается болѣе общихъ вопросовъ, отъ коихъ въ зависимости стоитъ и этотъ, именно: о подлинности книги Бытія и всего Пятокнижія, какъ и о происхожденіи другихъ ветхозавѣтныхъ книгъ, коихъ свидѣтельствами пользуется авторъ. То же самое должно сказать и о сравнительной критикѣ и установѣ подлиннаго текста употребляемыхъ авторомъ свидѣтельствъ ветхозавѣтной Библии. Только изрѣдка кое-гдѣ есть слабыя попытки къ такому критическому установу текста приводимыхъ авторомъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, говоря вообще, нашъ авторъ относится критически безразлично какъ къ источникамъ, такъ и къ тексту ветхозавѣтнаго ученія о грѣхѣ, принимая Ветхій Завѣтъ такъ, какъ употребляется онъ въ догматико-богословскихъ системахъ, то есть во всемъ его объемѣ, каковъ онъ есть въ Библии, безъ исторической и текстуальной критики.

4) Тою же наконецъ особенностью разсматриваемаго труда надо объяснять отсутствіе въ немъ ближайшихъ и точнѣйшихъ изъясненій того жизненно-психологическаго значенія, какое для ветхозавѣтнаго человѣка имѣли изслѣдуемая авторомъ понятія, — или нравственно-религіознаго ихъ анализа. Вѣдь если, повторяемъ слова автора, „Ветхій Завѣтъ нигдѣ не ставитъ своею прямою задачею раскрытіе ученія о грѣхѣ, потому что грѣхъ для сознанія ветхозавѣтнаго человѣка былъ не простымъ объектомъ холоднаго философскаго (догматическаго-тожь?—вопросъ нашъ) изслѣдованія, а постоянно переживаемымъ и почти постоянно отмѣчае-

мымъ на страницахъ Библии, въ его проявленіяхъ, фактомъ“, то прямая, повидимому, и болѣе плодотворная задача автора состояла именно въ нравственно-психологическомъ анализѣ „этого постоянно переживаемаго и почти постоянно отмѣчаемаго на страницахъ Библии факта“,—то есть силы грѣха для нравственно-религіознаго сознанія ветхозавѣтнаго человѣка и опредѣлявшагося этимъ сознаніемъ всего настроенія его нравственно-религіозной жизни, его страданій и блаженствъ, его завѣтныхъ думъ, чаяній и идеаловъ, вообще всего того, что ветхозавѣтнаго человѣка дѣлало выразителемъ и носителемъ Ветхаго Завѣта. Рѣшеніе этой задачи могло быть поставлено авторомъ или въ видѣ частнаго анализа отдѣльныхъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта въ историческомъ порядкѣ ихъ появленія, или въ видѣ общаго изслѣдованія всего Ветхаго Завѣта, или же, что еще лучше—то и другое вмѣстѣ,—сначала одно, потомъ другое.

Говоримъ все это отнюдь не къ осужденію труда г. Введенскаго, а только для его характеристики, какъ труда именно библейско-догматическаго, а не библейско-экзегетическаго. На нѣтъ и суда нѣтъ. Но то, что есть въ трудѣ автора, то есть тѣ вопросы, какіе изслѣдуетъ авторъ, а равно и самый способъ ихъ изслѣдованія—имѣютъ для православнаго богословія вообще и для догматики въ частности существенную важность, какъ истолкованіе ветхозавѣтныхъ свидѣтельствъ касательно православно-догматическаго ученія о грѣхѣ.

И это значеніе труда г. Введенскаго усугубляется тѣмъ, во 1-хъ, что хотя авторъ, какъ мы говорили уже, и избѣгаетъ прямо и подробно касаться свидѣтельствъ или ученія Новаго Завѣта и Церкви, но молча предполагаетъ это ученіе и съ догматическою строгостію руководствуется имъ какъ въ выборѣ и постановкѣ самыхъ вопросовъ изслѣдованія, такъ и въ общемъ ихъ рѣшеніи и раскрытіи всѣхъ частныхъ сторонъ. Авторъ всегда и во всемъ остается строго православнымъ догматистомъ.

Во 2-хъ, для доказательства церковно-православнаго ученія о грѣхѣ и для опроверженія воззрѣній инославныхъ и рационалистическихъ авторъ часто и умѣло пользуется этимологіею еврейскихъ терминовъ и подробнымъ истолковательнымъ анализомъ, по еврейскому подлиннику, тѣхъ тек-

стовъ, въ коихъ онъ находитъ отвѣты на изслѣдуемые имъ догматическіе вопросы.

Въ 3-хъ, кромѣ весьма ограниченнаго числа русскихъ по собій авторъ весьма обстоятельно и широко изучилъ огромнѣйшую нѣмецкую литературу, прямо или косвенно относящуюся къ данному вопросу, какъ церковно-ортодоксальнаго такъ и отрицательно-раціоналистическаго направленія. Полнаго одобренія заслуживаютъ подробнѣйшіе разборы тѣхъ иностранныхъ истолкованій ветхозавѣтнаго ученія о грѣхѣ, кои несогласны съ православною догматикою,—и, въ виду и противъ нихъ, весьма обстоятельныя раскрытія православныхъ возрѣній и толкованій. Похвальны также постоянно сообщаемыя авторомъ въ примѣчаніяхъ общія указанія какъ положительной, такъ и отрицательной литературы по всѣмъ частнымъ вопросамъ изслѣдованія, съ точнымъ обозначеніемъ сочиненій и относящихся въ нихъ сюда мѣстъ, — указанія, свидѣтельствующія о томъ, что авторъ тщательно изучилъ литературу изслѣдуемыхъ имъ вопросовъ, и весьма облегчающія каждому возможность скоро провѣрять автора или самостоятельно изучать эти вопросы.

Въ 4-хъ, общая постановка главъ сочиненія и его планъ отличаются обдуманностію и систематичностію. Изложеніе, хотя и тяжеловатое, но правильное и удобопонятное. Изъ числа весьма немногихъ исключеній можно указать для исправленія развѣ только самыя первыя слова сочиненія (Введеніе, стр. 1): „грѣхъ—это едвали не самый *факторъ* (? курсивы и знаки въ скобахъ — наши), *около котораго* (?) *вращается* (?) все ученіе Ветхаго Завѣта“.

Въ 5-хъ, наконецъ, должно имѣть въ виду поразительную скудость русской библейско-богословской литературы вообще и по данному вопросу особенно, такъ что къ двумъ—тремъ, и то кратко и косвенно затрогивающимъ предметъ, русскимъ сочиненіямъ трудъ г. Введенскаго составить весьма существенное и вполне полезное восполненіе, какъ первая и специальная обработка ветхозавѣтнаго ученія о грѣхѣ.

Въ виду указанныхъ соображеній нахожу трудъ г. Введенскаго вполне удовлетворительнымъ для ученой степени магистра богословія“.

Справка: 1) § 31 „Положенія объ испытаніяхъ на ученія степени: „Сочиненіе, представленное на степень магистра

богословія и признанное удовлетворительнымъ, должно быть напечатано, но въ Совѣтъ Академіи для разсмотрѣнія оно можетъ быть представлено и до напечатанія, въ рукописи четкой и чистой“ 2) По § 81 лит. а п. 10. устава духовныхъ академіи „одобрение къ напечатанію сочиненій, писанныхъ на соисканіе ученыхъ степеней“, значитъ въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: 1) Дозволить инспектору Минской Духовной Семинаріи іеромонаху Фаддею, помощнику инспектора Московской Духовной Академіи Александру Покровскому и преподавателю Виѣанской Духовной Семинаріи Дмитрію Введенскому печатать ихъ диссертациі на степень магистра богословія. 2) Сужденіе о коллоквиумахъ имѣть по представленіи каждымъ изъ поименованныхъ лицъ Преосвященному Ректору Академіи 60-ти экземпляровъ напечатанной диссертациі.

V. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ докторской диссертациі экстраординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи Маркеллина *Олесницкаго*, представленной Совѣту Академіи 12 октября 1899 года, онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ Сергѣя *Глаголева*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. а) Отчетъ о годичныхъ занятіяхъ по предмету библейской исторіи профессорскаго стипендіата Ивана *Петровыхъ*:

„Немногими страницами обязательнаго отчета не надѣюсь дать вполнѣ удовлетворительнаго представленія о всемъ, чѣмъ благословился мой посильный въ области избраннаго предмета годичный трудъ. Подъ свѣжими чарующими впечатлѣніями,—къ сожалѣнію, на первый разъ столь недолговременнаго (16-дневнаго) пребыванія подъ благодатнымъ небомъ Палестины миновавшимъ лѣтомъ 1899 года; при возжегшемся отсюда же живѣйшемъ интересѣ вообще къ многострадальнымъ судьбамъ обездоленной нынѣ Св. Земли — начался и шелъ упомянутый трудъ, и описаніе его, возможное для меня пока съ одной только заказной — такъ сказать—стороны, предпринимаю лишь какъ временно-срочное подтвержденіе того, что—сколько позволяли мнѣ мои силы—сдѣлано ими все возможное..

Въ поданномъ мною при началѣ отчетнаго года заявленіи я преднамѣтилъ для болѣе спеціальнаго изученія *послѣдніе* періоды Библейской Исторіи. *Намѣреніе* это наилучшимъ образомъ согласовалось и даже прямо совмѣщалось съ моимъ *желаніемъ*—обработать свой кандидатскій трудъ для представленія на степень магистра богословія, почему въ упомянутомъ заявленіи мною и было испрошено утвержденіе Совѣтомъ того и другого,—утвержденіе, тѣмъ болѣе основательное, что самый характеръ темы моего сочиненія позволялъ сдѣлать послѣднее прямымъ и наиболѣе полнымъ отвѣтомъ на тѣ требованія, какія должны быть предъявлены мнѣ, какъ практиканту. До невозможности обширный характеръ этой темы, къ сожалѣнію, не позволилъ мнѣ всего за одинъ годъ представить свое сочиненіе въ вполнѣ законченномъ видѣ и въ качествѣ отвѣта на указанныя требованія; къ тому же и нѣкоторыя болѣе общія стороны изучавшагося предмета, неимѣющія надобности быть затрогиваемыми въ сочиненіи спеціальнаго характера, дѣлаютъ необходимымъ особый очеркъ—отчетъ, къ каковому мы теперь и приступимъ.

I.

Наилучшая цѣлесообразнѣйшая постановка занятій по такому предмету, каковъ Библейская Исторія, предполагаетъ тщательное разграниченіе ихъ по двумъ слѣдующимъ подраздѣленіямъ: 1) обзоръ и изученіе первоисточнаго матеріала и 2) обзоръ и изученіе развившейся на основѣ уже этого матеріала литературы предмета. Примѣненіе этого принципа къ изученію нашего предмета, неизбежное и необходимо-важное на протяженіи всей Библейской Исторіи, требуетъ, однако, установленія нѣкоторыхъ особенностей въ порядкѣ самаго примѣненія, въ области различныхъ отдѣловъ предмета. Основанія къ такой неодинаковости даются самымъ характеромъ первоисточнаго матеріала, каковымъ въ первыхъ отдѣлахъ служатъ почти исключительно однѣ только свящ. книги Ветхаго Завѣта, какъ извѣстно и понятно—при своей Боговдохновенности допускающихъ лишь почтительно—отдаленное прикосновеніе критики, съ значительными ограниченіями; въ то время какъ матеріаломъ послѣднихъ отдѣловъ нашего предмета служатъ, и такъ же исключительно,—

свѣтская того времени литература и во многихъ случаяхъ почти исключительно Иудейскій историкъ Иосифъ Флавій, критика котораго, самая безпощадная и безпрестанная, узаконяется искони общепризнанной репутаціей названнаго писателя,—репутаціей не всегда благонадежнаго и безпристрастнаго историка. Само собою понятно, въ первомъ случаѣ положеніе историка гораздо своеобразнѣе, чѣмъ во второмъ: *тамъ* его задача сводится къ приспособленію почти уже совершенно готоваго матеріала къ общей задачѣ Библейской Исторіи, каковою задачею мы признаемъ проникновеніе въ пути Божественнаго Провидѣнія, ведущаго человѣчество къ цѣли обожествленія, и установленіе связи этихъ путей съ развитіемъ Библейскаго человѣчества въ умственномъ, нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ; *здѣсь* историкъ долженъ еще добыть и установить сколько-нибудь готовый, надежный для его цѣлей матеріалъ изъ того сырья со всѣми посторонними и иногда весьма нежелательными его элементами, какой представляетъ ему широкое поле свѣтской литературы, не заходящей далеко въ глубь Израильской исторіи, но за то приобретающей право почти на исключительную монополію въ послѣднихъ отдѣлахъ этой Исторіи.

Позволимъ себѣ пояснить условія, а также и значеніе этой неодинаковости въ положеніи и роли историка.

Какъ извѣстно, отличительною особенностію всей первой половины исторіи Израиля была большая замкнутость и малоизвѣстность его внѣ-Израильскому міру, доходящая въ болѣе раннія эпохи до полной его неизвѣстности и отчужденія отъ общаго хода развитія народовъ. Это обстоятельство одно достаточно объясняетъ то, что разсматриваемый періодъ, за исключеніемъ священно-библейскихъ книгъ, не имѣетъ почти никакого другаго побочно-источнаго матеріала для своего начертанія. Элліны, передавшіе намъ свою географическую номенклатуру, ничего не знали объ Израильской странѣ, упоминая только о Палестинѣ, какъ землѣ Филистимлянъ или Критянъ (Plesti, Phlisti, Phlisti-Creti)—торговаго и разбойничьяго населенія, господствовавшаго на восточномъ берегу Средиземнаго моря, при значительной культурности обладавшаго рѣдкою предприимчивостію и совершенно заслонявшаго Израильскій міръ отъ посторонняго наблюденія.

Неудивительно, что самъ отецъ исторіи, Геродотъ, съ такою тщательностію собиравшій всѣ любопытныя свѣдѣнія, находился въ полной неизвѣстности относительно Израильскаго народа и зналъ только о народахъ филистимскаго побережья, расположенныхъ на великомъ историческомъ пути между верхнимъ Евфратомъ и низовьями Нила, между Дамаскомъ и Мемфисомъ ¹⁾. Вообще до Александра Великаго ни одинъ греческій писатель не сохранилъ слѣда ²⁾, чтобы Грекамъ была извѣстна Іудейская страна, съ ея древнѣйшею исторіею и происхожденіемъ Іудеевъ. И насколько въ этомъ невѣжествѣ позволительно было коснѣть, краснорѣчиво говоритъ тотъ фактъ, что долго спустя послѣ Тацита, не возвышавшагося далѣе повторенія баснословныхъ мнѣній о происхожденіи Іудеевъ ³⁾, Діонъ Кассій — странно сказать! — не знаетъ все еще, откуда Іудеи произошли, и совѣмъ не отличаетъ ихъ отъ Филистимлянъ ⁴⁾.

Соотвѣтствующій профанизмъ въ отношеніи всего, что дѣлалось „за моремъ“, обнаруживали также и Іудеи, интересы которыхъ до такой степени замыкались внутри Іорданской низменности, что даже о „морѣ“ они говорили весьма неопредѣленно, какъ будто бы зная о немъ только по наслышкѣ ⁵⁾. Такіе порывы, какими отличался, напримѣръ, Соломонъ, къ общенію и сближенію съ внѣшнимъ не—Израильскимъ міромъ ⁶⁾, были сколько пріятнымъ, столько же и рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго духа политики царей еврейскихъ, хотя бы эти самыя дари въ принципѣ и не были „противъ“ такихъ исключеній, судя по тому, что они не пренебрегали языческою жизнію и общеніемъ съ язычествомъ, даже до полнаго отпаденія въ послѣднее.

Послѣ этого ясно, почему первоисточнымъ матеріаломъ

---

¹⁾ Герод. Исторія, I, 105; II, 106; III, 55; VII, 89.

²⁾ Первые слѣды упоминанія Іудеевъ у Клеарха (пр. Апп. I, 22), Гекатмея (id), Теофраста и Мегасеена (у Евсевія, граер. ev. IX, 2).

³⁾ Любопытнѣйшій образчикъ невѣжества, до упрековъ въ поклоненіи ослу включительно. Тацит. Ист. V.

⁴⁾ Dio Cass. XXXVII, § 171.

⁵⁾ Едвали не впервые упоминаніе Грековъ находимъ у пр. Іоюля, III, 6—гдѣ говорится, что финикіяне своихъ плѣнниковъ „сыновъ Іуды и сыновъ Іерусалима продавали сынамъ Еллиновъ“.

⁶⁾ Да и то пока лишь съ ближайшими сосѣдями—Финикіянами.

первыхъ періодовъ Израильской исторіи служатъ почти исключительно обнимающія это время свящ. книги Ветхаго За-вѣта ¹⁾, образовавшіяся — надо замѣтить — большею частію изъ современныхъ самымъ событіямъ записей современниковъ-авторовъ. Изъ этого матеріала почерпаются всѣ важныя и надежнѣйшія данныя для исторіи народа Божія отъ начала сформировки его въ государственно-политическое общество до позднѣйшихъ временъ персидскаго владычества, слѣдоват., о томъ, прежде всего, длинномъ періодѣ Израильской исторіи, за время котораго общеніе Іеговы со Своимъ народомъ путемъ чрезвычайныхъ Божественныхъ откровеній достигло окончательнаго завершения, и цѣли освятительно-Божественныхъ воздѣйствій на челоуѣчество, возбужденіе потребности освященія и достиженія его — это Божественное сѣмя — могло начать свой могучій полный ростъ.

Историческія книги ²⁾ отъ Пятокнижія до Нееміи представляютъ сравнительно достаточно—последовательное теченіе исторической жизни Израиля, при чемъ каждая книга (кромѣ Паралипоменонъ) обыкновенно безъ ощутительныхъ переры-

---

¹⁾ Главнымъ образомъ (цостъ Пятокнижія и слѣд.) книги Царствъ, Паралип., Ездры съ Неем., Маккав., прор. и др.

²⁾ Употребленіе этихъ книгъ для изслѣдователя Ветхозавѣтной исторіи не несущественно затрудняется тѣмъ, что въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ иногда представляютъ изъ себя уже не непосредственныя записи самихъ очевидцевъ событій, но продуктъ своего рода ученой историографіи, при чемъ требуется доказывать не только болѣе или менѣе дословное пользованіе письменными первоисточниками, но и то, насколько таковыми первоисточниками служили дѣйствительно свидѣтельства очевидцевъ (Köhler, Lehrbuch der Biblisch. Gesch. Alt. Test. ¹/₁, стр. 5 и д.). Здѣсь, по нашему мнѣнію, одно изъ главныхъ оправданій необходимости исторической критики при пользованіи историческими книгами, которая должна направляться къ опредѣленію ихъ происхожденія, большей или меньшей современности, степени тенденціозности и вообще историческаго достоинства и къ выясненію естественныхъ и др. разногласій и противорѣчій. Само собою разумѣется только, что лишь при полномъ безпристрастіи, при полномъ же отсутствіи произвола и недоказуемыхъ точно утвержденій, критика эта можетъ имѣть оправданіе и цѣну; въ противномъ случаѣ она будетъ грѣхомъ не просто противъ истины, но священной истины, и противъ законнѣйшихъ правъ самого изслѣдователя, печальныхъ примѣровъ чего даетъ такое обиліе западная самоувѣренно-раціоналистическая критика.

вовъ продолжаетъ исторію, какъ одинъ первоисточникъ. Съ пророческою литературою начинается раздробленіе въ единствѣ этого первоисточника, когда одна и та же историческая истина въ собственномъ смыслѣ слагается изъ трудовъ не одного человѣка и не одного времени, и одною изъ главныхъ задачъ историка выступаетъ извлеченіе и объединеніе этой истины изъ раскрывающихся и дополняющихъ её параллельныхъ представленій. Приведемъ нѣсколько образцовъ этого рода работы. Чтò въ IV Цар. XV, 8—19 описывается только въ краткихъ чертахъ, о томъ можно судить гораздо лучше по жизненному и яркому описанію этого періода у пр. Осіи, III—XIV гл.—О союзѣ съ Египтянами въ это же описываемое время узнаемъ у того же Осіи, VII, 11; XII, 3—14, тогда какъ въ историческихъ книгахъ о томъ нѣтъ даже упоминанія. Что предтечи Халдеевъ—Скиены Геродота—дѣлали набѣги во времена Іосіи также на Палестину, узнаемъ мы изъ пророчествъ Софоніи и еще раньше Іереміи. Наконецъ, о болѣе любопытныхъ и едва-ли менѣе правдоподобныхъ мотивахъ замедленія постройки храма Вавилонскими переселенцами узнаемъ изъ обличеній пр. Аггея ¹⁾, гдѣ главнымъ тормазомъ столь священнаго дѣла выставляется халатное отношеніе къ нему самихъ Іудеевъ (Агг. I—II гл.). Нѣчто подобное можно сказать о всей книгѣ Паралипоменонъ, которая, хотя касается уже ранѣе описанныхъ (въ книгахъ Царствъ) событій, — однако, касается съ совершенно особой точки зрѣнія и по другимъ интересамъ, чѣмъ у автора Царствъ, и при этихъ условіяхъ представляетъ также то здѣсь, то тамъ матеріалъ для дополненія своего прецедента.—Для дальнѣйшаго длиннаго періода плѣна наши сравнительно скудныя свѣдѣнія по политической исторіи Израиля черпаются почти только изъ пророческихъ писаній. Ближайшее послѣплѣнное время описано современниками Ездрую и Нееміей безъ большихъ отступленій отъ истины, хотя и не вездѣ съ желательною обстоятельностью и подробностью ²⁾. Нарушеніе, затѣмъ, стройнаго теченія

¹⁾ Сравн. о томъ же „Ездру“ съ „Нееміей“.

²⁾ Кн. Нееміи, по мнѣнію позднѣйшихъ ея критиковъ, была гораздо полнѣе; особеннаго сожалѣнія достойно то, что мы не имѣемъ болѣе ея окончанія.

свящ. первоисточника весьма крупнымъ пробѣломъ въ нѣсколько столѣтій (отъ Нееміи до Антіоха Елифана, 440—175 до Хр.) создаетъ печальное положеніе для историка, лишеннаго всякой возможности сколько нибудь прочнымъ узломъ соединить концы порванной нити библейскаго разсказа. Правда, имѣется нѣкоторая видимость способности заполнить означенный пробѣлъ въ попыткѣ Іудейскаго историка Іосифа Флавія; однако, эта попытка не идетъ дальше воспроизведенія пары легендарныхъ событій, крайне слабыхъ въ своихъ деталяхъ предъ строгою историческою критикою, да и заполняетъ только лишь ничтожную часть всего громаднаго промежутка; подобная же попытка во II и III Макк. также ограничивается лишь самыми незначительными и, при томъ, исторически ненадежными повѣствованіями. Исторія Маккавейскаго періода можетъ быть представлена по историческимъ книгамъ Маккавеевъ довольно обстоятельно, при чемъ историческій характеръ I Макк. ¹⁾ настолько удовлетворителенъ, какъ только можно желать для того времени. Важнымъ достоинствомъ этого источника почти не вредить, напр., то, что сочинитель считаетъ вполне позволительнымъ, подобно классическимъ историкамъ, впадать въ уста своихъ героев молитвы и рѣчи, или хотя бы и то, что по мѣстамъ онъ слабъ по части иноземной исторіи, допуская, напр., Александра Великаго на своемъ смертномъ одрѣ дѣлать царство и почти настаивать на сродствѣ Іудеевъ со Спартакцами (XII, 21). Во всякомъ случаѣ I книга по достовѣрности стоитъ выше II-ой, которая ²⁾, кромѣ подозрительныхъ элементовъ, допускаетъ очевидныя историческія и хронологическія ошибки, особенно въ Сирійской исторіи. При всемъ томъ, и эта книга сохраняетъ значеніе важнаго историческаго пособия, и въ цѣломъ заслуживаетъ даже болѣе вѣры, чѣмъ некритичный Іосифъ.

Собственно побочнымъ, но весьма важнымъ источникомъ параллельно *Ветхозаветной исторіи* служатъ дошедшія и доходящія до насъ частію въ вещественныхъ открытіяхъ и

¹⁾ Во всякомъ случаѣ писана во время Маккавеевъ, вѣроятно, по смерти Симова, 135 г. до Хр.

²⁾ Должна быть написана въ началѣ послѣдняго столѣтія до Хр., — событія повѣствуются до 124 г. до Хр.

памятникахъ, частію въ письменныхъ произведеніяхъ древности—свѣдѣнія по исторіи тѣхъ народовъ, съ которыми народъ Израильскій вступалъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе; таковы — Египтяне, Финикіяне, Ассиріяне, Вавилоняне, Персы, Греки (и позднѣе Римляне). Сюда же, хотя бы въ самой незначительной степени, можно отнести и первую половину Археологіи Іосифа (I—XI кн.), дающую повѣствованіе не только параллельное историческому разсказу Библии, но и подчиненное ему, какъ своему основному, впрочемъ, не единственному источнику. Большинство отличій, какія находимъ у него по сравненію съ этимъ его первоисточникомъ, объясняются только тѣмъ, (и цѣнность ихъ опредѣляетъ то), что независимо отъ безчисленныхъ неточностей и неосмотрительностей, Іосифъ допускалъ позволительнымъ до чрезвычайности крайнее примѣненіе къ языческимъ читателямъ, одновременно съ самымъ безразборчивымъ заимствованіемъ іудейско - гаггадическихъ сказаній, имѣющихъ весьма мало историческаго значенія. При всемъ этомъ, нельзя отрицать совершенно всякое значеніе за Іосифомъ даже для древнѣйшаго времени: то тамъ, то здѣсь онъ даетъ часто весьма полезныя замѣчанія и указанія, коихъ никакъ нельзя игнорировать исторіку ¹⁾.

II.

Какъ извѣстно, кодексъ свящ. Библейскихъ книгъ обрывается упоминаніемъ о гибели Симона Маккавея (135 г. до Хр.), оставляя читателя въ совершенномъ невѣдѣніи почти 1½ вѣковаго періода до предопредѣленнаго окончанія „полноты временъ“. Любопытенъ образъ рѣчи въ окончаніи послѣдней—въ хронологическомъ порядкѣ событій—книги. Сообщивъ о томъ, что Іоаннъ, сынъ Симона, извѣщенный въ время о грозившей ему отъ Птоломея опасности, предупредилъ своихъ убійць, лѣтописецъ многозначительно замѣчаетъ: „прочія же дѣла Іоанна и войны его и мужественные подвиги его, славно совершенные, и сооруженіе стѣнъ, имъ воздвигнутыхъ, и другія дѣянія его—вотъ, они описаны въ

¹⁾ Lengerke. Кенаан, 350, 431. Въ виду *отрывочности* этихъ указаній, мы лишены возможности дать понятіе объ ихъ значеніи отдѣльными образчиками, см. канд. сочиненіе. Объ остальныхъ свѣтскихъ авторахъ будетъ рѣчь при отчетѣ въ изученіи *Іосифа*.

книгъ дней первосвященства его, съ того времени, какъ сдѣлался онъ первосвященникомъ послѣ отца своего“ (I Макк. XVI, 23—34). Сопоставляя данное мѣсто съ III Цар. XI, 41; XIV, 29—и безчисленнымъ множествомъ другихъ подобныхъ мѣстъ III и IV кн. Царствъ, легко придти къ вполне основательному заключенію, что *книга дней первосвященства* Иоаннова есть ни что иное, какъ отдаленнѣйшая преемница „книги дѣлъ Соломоновыхъ“, „лѣтописи Царей“, и т. п. памятниковъ, въ которые вносились описанія дѣяній царей, и давали потомъ матеріалъ для послѣдующей хронографіи. Умышлено или нѣтъ описатель дѣлъ Иоанновыхъ употребилъ образъ рѣчи писателя Царствъ ¹⁾, только невозможно, очевидно, никакое сомнѣніе въ томъ, что упомянутая имъ „книга дней первосвященства“ Иоаннова дѣйствительно существовала, и что подобныя же „лѣтописи“ послѣдующихъ его преемниковъ также служили обычнымъ средствомъ увѣковѣченія болѣе или менѣе славныхъ дѣяній времени, по образцу упомянутыхъ прототиповъ. По крайней мѣрѣ, упоминаемая Иосифомъ ²⁾ „собственныя записки Ирода“ оставляютъ выше всякаго сомнѣнія эту истину, и намъ остается лишь еще разъ пожалѣть, что столь драгоценныя памятники такъ дешево оцѣнены вандальскою беззастѣнчивостію неумолимаго всегубителя—времени, и такъ безжалостно имъ уничтожены. Болѣе этими ранами, нанесенными намъ временемъ,—ранами единственными, для которыхъ это время не является цѣлителемъ,—мы не всегда можемъ успѣшно пытаться вознаградить себя тѣми жалкими отголосками преданнаго забвенію времени, какіе могли только уцѣлѣть въ безсильной борьбѣ съ „временемъ“. Вотъ каково нынѣ положеніе историка, приступающаго къ изслѣдованію духовной жизни и исторіи Израиля въ періодъ послѣ—Маккавейскій. Главнымъ источникомъ въ данномъ случаѣ, конечно, должны бы служить появившіеся за это время и дошедшіе до насъ литературные труды, среди которыхъ должно дать мѣсто и Новому Завѣту, поскольку онъ есть произведеніе Іудейскихъ писателей и имѣетъ черты, касающіяся

¹⁾ Умысломъ въ данномъ случаѣ могло быть просто одно только „подражаніе“.

²⁾ Арх. XV, 6, 3.

іудейской жизни того времени. Если бы исключить отсюда драгоценные труды Іосифа, то по всему остающемуся за симъ исключеніемъ матеріалу мы были бы рѣшительно не въ состояніи написать исторію упомянутаго періода, и болѣе или менѣе ясно даже представить ее себѣ въ главныххъ моментахъ. Такимъ образомъ, въ ряду источниковъ Библейской науки Іосифъ занимаетъ, по справедливости, самое почетное мѣсто, послѣ Библии. Это не просто источникъ, но источникъ *важнѣйшій*, безъ котораго наша наука столь же, или *почти* столь же бессильна и немыслима, какъ безъ Библии. Имѣть только Библию и не имѣть Іосифа—для Библейскаго историка едва не одинаково худо, какъ имѣть только Іосифа и не имѣть Библии. Все это вполнѣ справедливо съ того самаго момента, какъ только кончается повѣствованіе книгъ Маккавейскихъ. Если послѣднія въ предѣлахъ повѣствуемой ими эпохи еще могутъ замѣнять (и даже съ успѣхомъ превосходить) Іосифа, то за предѣлами Маккавейскихъ лѣтописей, утрата Іосифа, поистинѣ, была бы тягчайшимъ ударомъ для исторіи. Значеніе Іосифа ничѣмъ такъ лучше не можетъ быть взвѣшено и рельефно представлено, какъ допущеніемъ возможности этой утраты, которая дѣлала бы для насъ столь темною эпоху Христа, дѣлала бы для насъ совершенно неизвѣстными эти послѣднія ужасныя стычки вѣкового зла и добра, въ лицѣ Ирода и Маріаммы съ ихъ партіями, олицетворившихъ всю разрушительность злобы перваго „Антихриста“, предварившаго своимъ выступленіемъ (и изступленіемъ) первое путешествіе Царя мира...

Изученіе Іосифа, какъ главнаго и въ указанныхъ границахъ единственнаго полнаго источника заставляло и позволило намъ болѣе или менѣе глубоко проникнуть въ область всего, что имѣетъ при изученіи вообще послѣднихъ отдѣловъ Библейской исторіи такое или иное значеніе. Кажется, еслибы нарочно придумывать, и то едвали можно было бы придумать для введенія во всестороннее изслѣдованіе послѣ-библейскаго матеріала болѣе лучшую систему и болѣе удачное средство, чѣмъ Іосифъ, какъ онъ есть, со всѣми его ошибками, обмолвками, крайностями и недостатками, являющимися своего рода *felix culpa* и орудіемъ для отысканія настоящихъ сокровищъ древней письменности въ области

Іудейской історіи (Очевидно, что и представленіе отчета въ изученіи послѣднихъ періодовъ Библейской історіи почти равнозначуще простому описанію того ненесложнаго, впрочемъ, процесса, въ результатъ котораго позволительно допустить возможно болѣе обстоятельное изученіе матеріала Іосифа, какъ источника собственно).

Повѣствованіе I Маккав. книги, по всему вѣроятію, лежало въ основѣ повѣствованія Іосифа. Но съ 135 года и онъ, очевидно, лишался письменныхъ Іудейскихъ источниковъ для історіи Асмонеевъ и по необходимости долженъ былъ восполнять этотъ недостатокъ изъ другихъ областей. Такъ онъ и дѣлаетъ. Онъ обращается къ всемірно-историческимъ трудамъ Грековъ и экскерпируетъ изъ нихъ все, такъ или иначе касающееся історіи Палестины. Главными изъ этихъ его источниковъ для времени отъ 135—37 г. до Хр. являются именно—чаще другихъ цитируемые историки—Страбонъ (XIII, 10, 4; 11, 3; 12, 6; XIV, 3, 1; 4, 3; 6, 4; 7, 2; 8, 3; XV, 1, 2) и Николай Дамаскинъ (XIII, 8, 4; 12, 6; XIV, 1, 3; 4, 3; 6, 4; XVI, 7, 1). Менѣе ихъ встрѣчаемъ ссылки на Тимагена, (XIII, 11, 3; 12, 5), Азинія Полліона и Ипсикрата (XIV, 8, 3)— всѣ въ мѣстахъ, взятыхъ у Страбона. Весьма вѣроятно также, что многіе „повѣствовательные“ отдѣлы у Іосифа прямо или косвенно (черезъ посредство Страбона и Николая Д.) въ сущности основываются на Посидоніи, (особенно для первой половины указаннаго періода, 135—85 до Хр.), слѣды вліянія коего на обоихъ названныхъ посредниковъ Іосифа очевидны. На подобную же зависимость отъ Посидонія указываетъ сильное сходство между его разсказомъ и возводящимися къ Посидонію повѣствованіями Діодора и Трога Помпея (=Іустина) въ обстоятельствахъ завоеванія Іерусалима чрезъ Антіоха Сидета (срв. Арх. XIII, 8, 23 и Діодоръ, XXXIV, 1) и въ Парянскомъ походѣ Димитрія II-го (Арх. XIII, 5, 11 и Іустинъ, XXXVI, 1, 3). Если присоединить сюда только однажды названнаго Іосифомъ и едвали имъ черпаннаго Тита Ливія (XIV, 4, 3), то запасъ матеріаловъ Іосифа вообще для послѣднихъ эпохъ Іудейской історіи можно считать исчерпаннымъ ¹⁾.

¹⁾ Въ дополненіе матеріалу, взятому Іосифомъ изъ Страбона и Николая Д., служили нѣсколько легендарныхъ повѣствованій, изъ ходячаго уст-

Слѣдую прежде всего яснымъ цитатамъ самого Іосифа, мы обратились сначала къ указываемымъ имъ свѣтскимъ источникамъ, а, затѣмъ, и къ другимъ изъ той же (свѣтской) области, и результаты ихъ обзора и изученія можемъ резюмировать въ слѣдующемъ.

Вообще, и золотой, и серебрянный — вѣкъ классической литературы оставили намъ лишь скудные сравнительно остатки своего величія и неистощимыхъ сокровищъ классическаго гениа и таланта. Такъ о *Страбонѣ* (60—20 г. до Хр.), чаще другихъ цитируемомъ Іосифомъ, извѣстно, что—кромѣ 17 книгъ „Географіи“, дошедшей до насъ въ самомъ печальномъ видѣ, онъ былъ также авторомъ капитальнѣйшаго историческаго труда, отъ котораго до настоящаго времени едва могли быть собраны нѣсколько жалкихъ обрывковъ (Müller. *Fragm. hist. Graec.* III, 490 — 494). Изъ „Географіи“ Страбоновой узнаемъ, что этотъ трудъ былъ уже законченъ въ то время, когда онъ началъ свою Географію (I, 1, 22—23, § 13), что пятая книга этого труда начиналась съ того пункта, гдѣ оканчивался Поливій, т. е. со 146 г. до Хр. (XI, 9, 3, § 515), что въ первой книгѣ была сообщена имъ исторія Александра Великаго (II, 1, 9, § 70); по лексикону Свида (подъ словомъ *Πολύβιος*) можно добавить, что одинъ изъ отдѣловъ труда *μετα Πολύβιον* занималъ 43 книги, что съ первыми 4-мя даетъ, слѣд., 47.—Изъ цитатъ Іосифа эти свѣдѣнія могутъ быть еще дополнены тѣмъ, что трудъ шелъ, по крайней мѣрѣ, до завоеванія Іерусалима Иродомъ (37 г. до Хр.), заключааясь, повидимому, основаніемъ владычества Августа. Значительное большинство этихъ цитатъ показываютъ, что для исторіи Асмонеевъ отъ Іоанна Гиркана до гибели Антигона (135—37 г.), и, можетъ быть, даже также для Антиоха Елифана (прот. Апп. II, 7), — трудъ Страбона былъ для Іосифа главнымъ источникомъ. Поистинѣ, если слѣдуетъ скорбѣть объ утратѣ этого труда, то нельзя также не благодарить судьбу и за то, что Іосифъ употребилъ его, какъ главный источникъ, подлѣ Николая Д., хотя положеніе историка собственно по отношенію къ Іосифу отъ этого, разумѣется, не улучшается, и только развѣ въ мѣстахъ,

---

наго преданія, и для исторіи Ирода также „собственныя Иродовы записки“, впрочемъ, послѣднія едва ли не чрезъ Николая Д.

прямо отмѣченныхъ именемъ Страбона, онъ (историкъ) из-бавляетъ отъ необходимости заподозрѣвать авторитетъ и достовѣрность Юсифа. Извѣстно, что Страбонъ вообще былъ основательнѣйшій изслѣдователь, пользовавшійся лучшими источниками съ осторожностію и критикою, какъ это видно уже изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ Юсифомъ выдержекъ изъ Страбона, гдѣ послѣдній нѣсколько разъ цитируетъ своихъ посредниковъ (Тимагена, Азинія П. и Ипсикрата), а также и изъ засвидѣтельствованій Юсифа, не разъ констатирующаго согласіе Страбона съ Никол. Дам.. Что онъ основывался также на великомъ трудѣ Посидонія, это несомнѣнно столько же, какъ и то, что лучшіе послѣдующіе историческіе таланты охотно употребляли Страбона за его испытанную благонадежность. Въ томъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ Страбонъ теперь, онъ интересенъ для насъ, кромѣ отдѣльныхъ болѣе или менѣе исторически-цѣнныхъ указаній и замѣчаній въ своей Географіи, — особенно сообщеніями изъ исторіи Сиріи и Палестины (XVI, 2, 25 — 46), опиравшимися вообще на источникахъ исторіи до-Помпеевскаго времени и, можетъ быть, особенно на показаніяхъ изъ Посидонія, часто здѣсь цитируемаго Страбономъ. Что касается собственно историческихъ отрывковъ отъ другого труда Страбона, то—собранные Müllerus'омъ (въ *Fragm. hist. Graec.* III, 490—494) всѣ они,—особенно имѣющие интересъ для нашего предмета,—въ количествѣ до 10,—заимствуются только изъ трудовъ Юсифа, кромѣ котораго съ трудомъ набираются лишь еще 5 менѣе важныхъ отрывковъ у Плутарха, Тертуллиана и самаго Страбона въ „Географіи“.

Не менѣе печально положеніе дѣлъ въ разсужденіи другого еще болѣе использованнаго Юсифомъ писателя за послѣ-библейское время, каковъ Николай Дамаскинъ, извѣстный совѣтникъ и другъ Ирода, написавшій *ἱστορίαν καθολικὴν ἐν βιβλίοις ὀγδοήκοντα* ¹⁾, καὶ τοῦ (βίου) Καίσαρος ἀγωγὴν... καὶ περὶ τοῦ ἰδίου βίου καὶ τῆς ἑαυτοῦ ἀγωγῆς, а также—*παράδοξων ἔθῶν συναγωγή*, при чемъ отъ всѣхъ этихъ трудовъ имѣются также лишь незначительные фрагменты (Müller. III, 343—464, съ приб. IV, 661—668). А между тѣмъ изъ отдѣльныхъ ука-

¹⁾ Веберъ, *Всеобщ. Истор.* IV, 76 стр. — 140 книгъ, а не 80; Атенея (у Müllerus'a)—144 книги. Ошибка Suidas'a очевидна (*Νικόλαος*).

заній Іосифа и изъ другихъ свидѣтелей есть возможность составить ясное понятіе о размѣрахъ и планѣ этого труда, являющагося въ своемъ родѣ феноменомъ. Такъ, значительные фрагменты въ извлеченіяхъ Константина Порфиророднаго (912—959 г.; это—своего рода „Mullerus“ X вѣка) — всѣ сдѣланные изъ 7 первыхъ книгъ—указываютъ, что эти книги обнимали древнѣйшую исторію Ассиріянъ, Мидянъ, Грековъ, Лидянъ и Персовъ до времени Креза и Кира. О 8 — 95 кн. ничего неизвѣстно. Съ 96-й книги доходятъ до насъ фрагменты, сохраненные Іосифомъ и Атенеємъ: опредѣленно цитуются 96, 103, 104, 107, 108, 110, 114, 116, 123 и 124 книги; въ послѣднихъ двухъ — (123—124) излагались переговоры, происходившіе въ 14 г. до Хр. предъ Агриппою въ Малой Азіи о милостяхъ тамошнимъ Іудеямъ, при чемъ Иродъ и Николаій выступали защитниками и ходатаями за іудейскіе интересы ¹⁾; въ остальныхъ 20 книгахъ, безъ сомнѣнія, обнималась исторія слѣдующихъ 10 лѣтъ до воцаренія Архелая (4 г. Хр. эры). О степени вліянія капитальнаго труда Николая на Іосифа можно отчасти судить по тому, что онъ цитируется Іосифомъ уже для исторіи первобытнаго времени, для исторіи Давида ²⁾ и Антиоха Епифана ³⁾—и по аналогіи съ „значеніемъ“ подобныхъ же цитатъ въ исторіи Ирода и Асмонеевъ („заимствованіе“) не будетъ слишкомъ смѣло заключить, что и въ болѣе раннихъ случаяхъ цитаты Іосифа не всегда имѣютъ значеніе простыхъ „указаній“ на называемаго автора, но болѣе или менѣе сильно и „зависѣли“ отъ него. Во всякомъ же случаѣ, по книгамъ XV — XVII (исторія Ирода) вполне очевидна чрезвычайная подробность Николая въ значеніи источника Іосифа, и послѣдній свидѣтельствуешь это не только массою краснорѣчивыхъ цитатъ, но и замѣтнымъ ослабленіемъ связи и подробности при переходѣ отъ Ирода къ началу воцаренія Архелая, гдѣ ему, очевидно, уже не представлялось подобнаго подробнаго источника. Можетъ быть, широкое поле, отведенное Іосифомъ Николаю въ своемъ трудѣ, способно ослабить и здѣсь сожалѣніе объ его утратѣ, но, съ другой стороны, это же са-

¹⁾ Арх. XII, 3, 2; срв. XVI, 2, 2—5.

²⁾ Арх. VII, 5, 2.

³⁾ κατὰ Ἀλιβν. II, 7.

мое только болѣе затрудняетъ рѣшеніе историка о правоспособности Іосифа отнестись вполне разумно и критически къ своему важнѣйшему источнику. По крайней мѣрѣ, всякій изучающій Іосифа вынужденъ считаться со многими плодами этой его неосторожности и небрежности, когда извѣстно, что—въ общемъ весьма достовѣрный и обстоятельный писатель—Николай былъ, однако же, „совѣтникъ“ и приближеннѣйшій „другъ“ Ирода, и, какъ такой, конечно, едва ли былъ способенъ съ безпристрастною объективною изложить событія его времени. Такъ, по крайней мѣрѣ, обнаруживается даже въ мѣстахъ вліянія на Іосифа, который все же таки не былъ настолько слѣпъ въ отношеніи къ Николаю, чтобы совершенно не видѣть опасности быть введеннымъ въ заблужденіе его пристрастіемъ и ошибками. Насколько эта опасность оправдалась (а это несомнѣнно), иногда незамѣтно для самаго Іосифа, и каковы размѣры вообще вліянія Николая на Іосифа, по имѣющимся нынѣ (147-ми) отрывкамъ перваго у Müllerus'a — судить трудно: нельзя не видѣть только, что при многочисленныхъ, почти дословныхъ заимствованіяхъ изъ Николая, Іосифъ иногда и отличается отъ него—сокращая, дополняя или даже и повѣствуя объ одномъ и томъ же совершенно иначе (срв. Müll. III, 353, пр. 18 и мн. др.).

Что касается, затѣмъ, *Тимагеа*, Азинія Полліона и Ипсикрата, цитируемыхъ Іосифомъ изъ вторыхъ рукъ (въ мѣстахъ Страбона), то первый (ок. второй 1/2 послѣд. вѣка до Хр.) „знаменитѣйшій историкъ“ по Квинтилиану ¹⁾ — отъ своихъ многочисленныхъ и цѣнныхъ по учености трудовъ оставилъ также жалкіе отрывки, по которымъ едва можно судить о вышеуказанныхъ достоинствахъ и содержательности его трудовъ. Цитаты Іосифа съ именемъ Тимагена, касающіяся исторіи Антіоха Епифана ²⁾, іудейскаго царя Аристовула I ³⁾ и Александра Іаннея ⁴⁾, а тѣмъ болѣе собранные Müllerus'омъ (III, 317—323) фрагменты (12) не даютъ яснаго представленія о широтѣ изслѣдованій названнаго историка, и едва ли уже

¹⁾ X, 1, 75.

²⁾ κατά 'Απ. II, 7.

³⁾ Αρχ. XIII, 11, 3.

⁴⁾ Αρχ. XIII, 12, 5.

Иосифу, цитирующему его въ Страбонѣ, было доступно непосредственное знакомство съ нимъ. Тѣмъ менѣе эти цитаты и фрагменты могутъ дать что-либо поучительное для болѣе глубокаго проникновенія въ подпольный механизмъ работы Иосифа.

Второй изъ этой тріады историковъ—*Азиній Полліонъ* авторъ—участникъ и, слѣд., лучший знатокъ „исторіи междоусобной войны между Цезаремъ и Помпеемъ“, въ 17 книгахъ, давшихъ матеріаль Плутарху, Аппіану и др. въ ихъ трудахъ,—не оставилъ ничего важнаго даже въ извлеченіяхъ другими товарищами по своей профессіи. Не менѣе не посчастливилось и третьему — *Ипсикрату*, старшему современнику Страбона, сохранившаго всего 2—3 замѣтки изъ своего коллеги, изъ коихъ одна, подхваченная Иосифомъ, касается египетскаго похода Цезаря, и столь же маловажна для насъ по своему значенію, какъ и другіе, собранные у Müllerus'a фрагменты (III, 493 и д.).

Стольже почти мало утѣшительныя свѣдѣнія можно дать о весьма важномъ для насъ историкѣ *Поливіи* (ок. 167 г. до Хр.), который два раза точно указанъ и употребленъ Иосифомъ и извѣстенъ по мастерскому изображенію развитія Римскаго міровладычества въ 40 книгахъ (отъ 220—146 г. до Хр.). Изъ всѣхъ книгъ только 5 первыхъ сохранились полностью, двухъ совершенно недостаетъ (17 и 40—последней), отъ остальныхъ сохранились болѣе или менѣе значительные фрагменты, между тѣмъ какъ для насъ были бы важны особенно послѣднія 15 книгъ, начиная съ XXVI, гдѣ впервые (10 г.) упоминается объ Антиохѣ Епифанѣ, и дается не мало любопытнаго для его характеристики. Вліяніе Поливія на Иосифа въ особенности сказывается при изложеніи событій I Макк. книги, къ эпохѣ которой относятся объ его ссылки на имя Поливія, но несчастная судьба трудовъ послѣдняго опять таки и здѣсь оставляетъ критику безоружною для разоблаченія степени этого вліянія и для болѣе обстоятельнаго представленія хода событій. Все, что въ настоящее время имѣетъ для насъ значеніе въ Поливіи, ограничивается почти только изложеніемъ войны изъ за *χοιλή*—Спріи между Антиохомъ (III Великимъ) и Птолемеемъ (Филопаторомъ)—Полив. V, 31; 34; 40—41; 45 ид.; 49 и д.; 58, 60 и 61; 67—68; 82 и д.; XI, 34.

Непосредственный продолжатель Поливія—*Посидоній* († ок. 50 г. до Хр.) авторъ, по крайней мѣрѣ, 52 книгъ, часто цитируемыхъ у Атенея, Страбона, Плутарха и др. подъ именемъ *ιστορίαι* (отъ 146 г.—90 г.), хотя Юсифомъ называется по имени всего одинъ разъ и только въ трудѣ пр. Аппіона (II, 7),—тѣмъ не менѣе,—поскольку зависѣли отъ него Страбонъ и Николаѣ—главные источники Юсифа, и поскольку вообще этотъ великій историкъ, подобно Поливію, стоялъ въ высококомъ уваженіи позднѣйшихъ историковъ, пользовавшихся ими, какъ главными источниками для исторіи относящагося сюда времени, — постольку, разумѣется, ту же дань зависимости и преклоненія получалъ и отъ Юсифа. Впрочемъ, ни объ этой зависимости, ни вообще о значеніи Посидонія для нашего предмета, отрывки этого автора судить не даютъ возможности (Müller. III, 245—296).

Не въ лучшемъ положеніи находится историкъ въ разсужденіи *Диодора* и Трога Помпея (=Иустина), сродство съ которыми Юсифа указываетъ если не на непосредственное вліяніе ихъ на него, то во всякомъ случаѣ на общность ихъ источника въ Посидоніи и не лишено—въ силу этого—важнаго значенія. Первый изъ названныхъ авторовъ, современникъ Цезаря и Августа, оставилъ намъ большой трудъ по универсальной исторіи всѣхъ временъ и народовъ, названный имъ *Βιβλιοθήκη*—изъ 40 книгъ, обнимающихъ періодъ отъ древнѣйшихъ временъ до 60 г. до Хр. Изъ дошедшихъ до насъ книгъ (I—V первоисторія Египта и Еѳіопіи, Ассиріянъ и др. народовъ Востока, какъ и Грековъ, XI—XX отъ начала 2-й персидской войны 480 г. до Хр., до исторіи премниковъ Александра В. — 302 г. до Хр.) и фрагментовъ (Müll. II, VII — XXVI) этого историка болѣе заслуживаютъ нашего вниманія книги отъ XXIX, гдѣ въ 32 г. впервые упоминается имя Антиоха Епифана, но цѣлость и содержательность источника здѣсь-то въ особенности и начинаютъ составлять желать лучшаго.

Другой современникъ Августа, *Трогъ Помпей* — долженъ былъ быть весьма любопытнымъ и полезнымъ для насъ въ своей универсальной исторіи, веденной имъ отъ Ninus'a до своего времени въ 44 книгахъ, содержавшихъ тщательно обработанный по лучшимъ греческимъ источникамъ матеріалъ по исторіи Македоніи и царствъ „діадоховъ.“ Отъ всего

этого сокровища уцѣлѣли нынѣ только *prologi* и „извлеченіе“ извѣстнаго Іустина, настолько все же содержательное, что даетъ для насъ важный источникъ для исторіи Селевкидовъ.

Наконецъ, однажды только упомянутый Іосифомъ и, видимо, случайно—*Титъ Ливій* (59—17 г. до Хр.) имѣетъ извѣстность, какъ авторъ „исторіи Римской“ отъ основанія Рима до смерти Друза (9 г. по Хр.) въ 142 книгахъ. Этотъ капитальнѣйшій трудъ, не смотря на то, что его отказываются назвать ученымъ (написаннымъ по источникамъ и умѣющимъ сливать матеріалы въ одно цѣлое), по стройности и красотѣ изложенія украсилъ автора вполне заслуженною славою одного изъ лучшихъ историковъ древности. И, между тѣмъ, отъ этого-то его сокровища (не забудемъ, что нашъ Іосифъ когда-то съ честью слылъ за „Тита Ливія Грековъ“), несомнѣнно схоронившаго для насъ вмѣстѣ съ собою весьма благодарный матеріалъ для критики и дополненія Іосифа, уцѣлѣло всего только—1-я, 3-я, 4-я декады и первая половина 5-й (41—45 кн.), обнимающія годы 178—167 до Хр. и обрывающіяся какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ разсказъ начинаетъ приобрѣтать для насъ исключительную важность. То обстоятельство, что Поливій и Посидоній, продолжатель перваго, въ значительной степени входили въ этого автора, даетъ право надѣяться на значительную связь или зависимость отъ него и Іосифа, и, нѣтъ сомнѣнія—ущербъ для изслѣдователей послѣдняго и вообще для историографовъ Іудейскаго народа особенно великъ отъ утраты Ливія.

Такимъ образомъ, мы привели въ извѣстность все, что, по собственнымъ указаніямъ, или только по болѣе или менѣе очевиднымъ и несомнѣннымъ намекамъ и соображеніямъ составляло и могло составлять матеріалъ для исторіи Іосифа, въ послѣднихъ отдѣлахъ. Но даже и въ наше, столь отдаленное время, можно указать и такіе матеріалы по предмету Іосифа, незнанія которыхъ если можно не ставить ему въ вину, за то есть возможность во многомъ *дополнять* и исправлять ими Іосифа, столько же какъ и тѣмъ, чѣмъ онъ не совсѣмъ умѣло пользовался. Такъ, комплектъ греческихъ историковъ (Поливій, Діодоръ, Страбонъ) дополняется *Плутархомъ*, Аппіаномъ и Діономъ Кассіемъ. Первый (50—120 по Хр.) оставилъ намъ свои любопытныя и въ высшей степени умѣло составленныя біографіи знаменитѣйшихъ мужей Гре-

ції и Рима (*βίοι παράλληλοι*) — всего до 50, изъ коихъ для насъ немаловажное значеніе имѣютъ Александръ В., Крассъ, Помпей, Цезарь, Брутъ и Антоній.

Алтіанъ (современникъ Траяна, Адріана и Антонина Пія) сообщаетъ намъ исторію Рима въ 24 книгахъ, по особому этнографическому, а не обычному тогда синхронистическому методу, то есть разсматриваетъ специально исторію каждой въ отдѣльности земли и народа, входившихъ тогда въ составъ всесвѣтной монархіи Рима, ведя таковую исторію отъ перваго соприкосновенія Риму до полного ихъ подчиненія (коснувшись также коротенько и исторіи болѣе раннихъ временъ). До настоящаго времени отъ этихъ трудовъ дошли: отъ I—V и IX только отрывки, а сполна имѣются: VI—*ιβηρικὴ* (т. е. *ιστορία*). VII—*ἀντιζαϊκὴ*, VIII—*λιβυκὴ καὶ Καρχηδονικὴ*, XI—*Συριακὴ καὶ Παρθικὴ* (последняя утрачена), XII—*Μισθριδάτεος*, XIII—XVII—*Ἐμφύλια* (т. е. гражданская война), XVIII—*Ἀσικὴ* или *Ἰλληρικὴ*.

Наконецъ, *Діонъ Кассій* (155—229 по Хр.), доведшій свой замѣчательный трудъ о Римской исторіи (отъ прихода Энея въ Латіумъ) до 229 г., въ 80 книгахъ, оставить отъ первыхъ 34 книгъ только маленькіе отрывки,—болѣе значительныя части отъ 35—36, затѣмъ, 37—54 включительно въ совершенной цѣлости (отъ войны Лукулла и Помпея съ Митридатомъ до смерти Агриппы, въ 12 г. до Хр.),—отъ 55—60 включительно—опять значительныя отрывки, и отъ остальныхъ 61—80 книгъ только выработанный въ XI в. (Ксифилиномъ) перечень (для первыхъ 34 книгъ недостаетъ даже и этого).

Изъ серіи латинскихъ писателей, кромѣ извѣстныхъ уже—Тита Ливія и Трога Помпея, въ дополненіе къ нимъ должны быть присоединены — *Цицеронъ*, Тацитъ и Светоній. Рѣчи и письма перваго (106—43 г.) даютъ богатѣйшій матеріалъ и главный источникъ, можно сказать, своего времени, и особенно важны для исторіи Сиріи въ періодъ отъ 57—43 до Хр.—Изъ историческихъ трудовъ втораго (55 г. по Хр.—ок. 120), кромѣ „Лѣтописей“, дающихъ важнѣйшій источникъ въ 16—18 кн. для времени Тиверія, Калигулы, Клавдія и Нерона и исторіи Сиріи, — весьма важна „Исторія“ *Тацита*, обнимающая въ 14 книгахъ время Гальбы, Отона, Вителлія, Веспасіана, Тита и Домиціана (68—96 г.),

отъ которой имѣются нынѣ I—IV книги и часть V-й, отъ 68—70 г. Съ особеннымъ интересомъ и пользою читается V, 1—13, гдѣ Тацитъ въ краткихъ чертахъ даетъ обзоръ исторіи Іудейскаго народа до войны Тита.—Наконецъ, отъ *Светонія* (современникъ Домиціана, Траяна и Адриана) имѣются „жизни 12 цезарей Римскихъ“ (*Vitae XII Imperatorum*), въ числѣ коихъ (*Caesar, Augustus, Tiberius, Caligula, Claudius, Nero, Galba, Otho, Vitellius, Vespasianus, Titus, Domitianus*) выдаются, по важности сообщеній, предпоследнія двѣ.

Особнякомъ отъ этой группы мы поставимъ *Павзанія, Геродота* и *Кв. Курція*, труды которыхъ имѣютъ значеніе для болѣе раннихъ эпохъ іудейской исторіи. Первый изъ нихъ (II в. по Хр.) славится блестящимъ „описаніемъ Эллады или Греціи (въ X кн.)“, изъ котораго историкъ можетъ съ благодарностію воспользоваться свѣдѣніями о Птоломеяхъ. Второй, Отецъ Исторіи (484—408) уцѣлѣлъ въ 9 книгахъ своихъ „Повѣствованій“, которыя могутъ служить подтвержденіемъ похвалы древнихъ, сказывавшихъ, что „устаи Геродота сами музы говорили“. Въ одномъ изъ *трехъ* обращеній Іосифа къ Геродоту онъ доказываетъ имъ свою мысль о наименованіи всѣхъ Египетскихъ царей фараонами (Арх. VIII, 6, 2); въ двухъ другихъ исправляетъ его погрѣшности, допущенныя въ постановкѣ вмѣсто „Сусака“ Сезостриса (2 раза—Арх. VIII, 10, 2—3) и въ наименованіи царя Ассирійскаго—Ееіопскимъ. Параллель послѣднимъ случаямъ представляетъ, вѣроятно, упоминаніе о Геродотѣ въ *хатѣ Алиброс*, I, 3, что его „всѣ изоблачаютъ во лжи“, хотя это не мѣшаетъ самому Іосифу далѣе (I, 12) пользоваться Геродотомъ для доказательства сравнительной юности и недавней безвѣстности Рима (по сравненію съ восточными народами, отъ коихъ другіе — въ томъ числѣ и Римъ — заимствовали сѣмена своей культуры), а также находить въ немъ едва, впрочемъ, уловимыя самимъ Іосифомъ—слѣды упоминанія Іудеевъ (I, 22), — честь, которую Іосифъ обращаетъ въ преимущество и похвалу ихъ предъ Римомъ. Наибольшаго вниманія изъ труда Геродота заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, три первыя книги, въ которыхъ дается исторія Лидійскихъ царей до Кира и самого Кира (I), Камбиза, Лжемердиса и Дарія Гистаспа, до раздѣленія Персидскаго царства и взятія Вавилона (III) и описаніе Египта, съ его царями и жи-

телями (II), требующее, впрочем, большой осторожности, на которой настаивал еще Страбонъ, замѣчая, что „Геродотъ сообщаетъ много баснословнаго о Египтѣ“ (XVII, 1, 52 и мн. др.). Наконецъ, Квинтъ Курцій, время жизни котораго не установлено ¹⁾, даетъ высокаго достоинства исторію Александра Великаго, въ X книгахъ, двѣ изъ коихъ совершенно погибли, остальные уцѣлѣли только съ пробѣлами.

Всѣхъ этихъ авторовъ, во главѣ съ Иосифомъ, совершенно достаточно для ознакомленія и изученія Птоломеевскаго, Селевкидскаго и римскаго періодовъ Иудейской исторіи. Нельзя не убѣждаться при этомъ, что въ общемъ комплектѣ источниковъ, послѣ Библейскаго матеріала, Иосифъ въ значительной степени замѣняетъ всѣхъ ихъ, и во всякомъ случаѣ занимаетъ такое господствующее между ними положеніе, что даетъ право все остальное считать только дополненіемъ, поясненіемъ къ себѣ; впрочемъ, на все это онъ имѣетъ право не столько въ разсужденіи безспорныхъ научно-историческихъ достоинствъ его матеріала, сколько именно въ виду отсутствія, неполноты или утраты болѣе капитальныхъ матеріаловъ, существовавшихъ несомнѣнно и даже отразившихся на самомъ Иосифѣ. Къ сожалѣнію, весь этотъ запасъ являющагося нынѣ побочнымъ въ отношеніи къ Иосифу матеріала, который и теперь служитъ не только дополненіемъ и поясненіемъ, а нерѣдко и оружіемъ для столь основательной критики и исправленія Иосифа, настолько незначителенъ по сравненію съ важностію событій, сопровождавшихъ и обусловливавшихъ послѣднія судьбы Иудейской исторіи, что критикъ почти всецѣло предоставленъ самому себѣ и испытываетъ подь часъ скверное положеніе—или повторяетъ безотчетно Иосифа при ясно ощущаемой несостоятельности его сообщеній, или опустить руки въ полной безпомощности для надлежащаго освѣщенія событій. Чувство этой безпомощности только еще болѣе обостряется при знаніи, что *были* такіе мѣрители исторической достоверности Иосифа, обличители и свидѣтели слишкомъ иногда беззащѣтнливаго его лжесвидѣтельства и критеріи его на-

---

¹⁾ По мнѣнію Вебера (92 г. IV, 361) авторъ этотъ былъ риторъ, жившій въ первыя десятилѣтія нашей эры. По Шлоссеру (69 г. II, 153) онъ жилъ во время Веспасіана.

учности,—*были*, но... теперь ихъ нѣтъ! Остается, слѣдовательно, повторять его, и если не совсѣмъ безотчетно, то съ слишкомъ большими и не всегда вполне безапелляционными напряжениями критическаго таланта и субъективной сообразительности, съ слишкомъ смѣлыми ампутациями критическаго ножа, съ крайнею разбросанностію въ свѣтскую всѣхъ родовъ литературу.

Насколько увѣнчались успѣхомъ наши труды въ этомъ дѣлѣ провѣрки, дополненія и исправленія Іосифа свѣтскою литературою и критическими соображеніями, насколько вообще намъ удалось *сдѣлать его источникомъ* для Библейской исторіи—эта столь высокопочтенная, достойная болѣе лучшихъ вдохновенныхъ силъ (понстинъ—пророковъ! пр. Аппіон. I, 8)—*роль*—покажетъ наше сочиненіе, доведенное вчернѣ до послѣдняго разрушенія Іерусалима Титомъ. Послѣ того, какъ показано, въ какой области вращалась любознательность спеціальнаго изслѣдователя Іосифа, надѣмся, что вѣрный путь его труда достаточно выясняется; а то, насколько онъ, при этомъ, обезпечивается со стороны широты и научной современности изслѣдованія и вообще въ цѣляхъ отчета,—попытаемся показать областью современной научной литературы, какая—на ряду съ первоисточно-классическимъ матеріаломъ—подлежала за истекшій годъ нашему изученію.

III.

Приступающій къ изслѣдованію вообще Библейскаго матеріала, съ какой бы то ни было стороны, долженъ знать тѣ полномочія и границы, за кругъ которыхъ онъ не можетъ и не долженъ выводить свою научную правоспособность. Онъ долженъ знать, что ему необходимо и здѣсь *conditio sine qua non* науки—критика, долженъ знать ея оправданіе и точный смыслъ въ приложеніи къ такому исключительному предмету, какъ Слово Божіе. Съ характернѣйшими воззрѣніями на этотъ счетъ мы познакомились въ „*Ueber Berechtigung der Kritik des Alt. Testamentes*“, *Köhler*'a. Не мало положительныхъ достоинствъ представляетъ въ нашей отечественной литературѣ трудъ *Добротворскаго*—„Критическій методъ въ изслѣдованіи Свящ. Писанія“, но вообще надо замѣтить—вопросъ объ оправданіи критическаго изученія Библии—одинъ изъ

тѣхъ вопросовъ, которые не столько разрѣшимы специальными теоріями, сколько самою практикою. И зачастую—то, чего никакъ нельзя не допускать на практикѣ, оказывается не совсѣмъ умѣстнымъ при возведеніи въ теорію: очевидно, что этотъ вопросъ еще имѣетъ всѣ права на будущее...

Западная литература—какъ обычно вездѣ и во всемъ—неизмѣримо богаче нашей отечественной капитальными изслѣдованіями въ области нашей науки. Лучшіе представители послѣдней ¹⁾, начиная съ родоначальника ихъ—*Филарета*—просвѣщеннѣйшаго Архипастыря во всѣхъ отношеніяхъ,—платили дань уваженія (къ) неистощимымъ плодамъ трудолюбія западнаго ученаго міра и съ удовольствіемъ пользовались ими.

Изъ благодарнѣйшихъ результатовъ этого трудолюбія навсегда останутся „феноменами“ такого рода изслѣдованія, какъ *Jost, Ewald, Stade, Holtzmann, Schürer* и *Köhler*.

Съ первымъ изъ нихъ мы познакомились въ двухъ его трудахъ, носящихъ названія: 1) *Allgemeine Geschichte des Israelitischen Volkes*, I—II т. и 2) *Geschichte der Israeliten seit der Zeit der Maccabäer bis auf unsre Tage*, I—X т. Особенную цѣнность представляютъ для насъ (при изученіи Іосифа особенно) два первые тома послѣдняго труда, снабженные въ высшей степени вѣскими научными данными (въ особыхъ прибавленіяхъ). Являясь результатомъ широкаго знакомства историка съ вѣбиблейскою классическою и средневѣковою литературою, а также раввинистическими произведеніями, эти данные служатъ незамѣнимымъ пособіемъ при ознакомленіи съ Іосифомъ, критикѣ и дополненіи его.

Еще болѣе достоинствъ представляетъ огромнѣйшій трудъ „*Geschichte des Volkes Israel*“ *Ewald'a*, I — VII, обнимающій исторію народа Израильскаго отъ самыхъ раннихъ библейскихъ эпохъ до конечнаго поглощенія его Римомъ послѣ разрушенія Іерусалима. По полнотѣ и широтѣ изслѣдованія, по тонко-психологической наблюдательности, по теплотѣ религіозно-нравственнаго чувства и яркости изображенія—этотъ трудъ не имѣетъ себѣ подобнаго, и обычно служитъ и едва ли перестанетъ когда служить главною подкладкой всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій того же рода. То обсто-

---

¹⁾ т. е. отечественной библейско-исторической литературы.

ятельство, что научная основательность труда здѣсь за нѣкоторыми исключеніями успѣшно дружить съ воззрѣніями и духомъ Ветхозавѣтныхъ Писаній, дѣлаетъ этотъ выдающійся, въ ряду не столь умѣренныхъ при своей научности, трудъ особенно важнымъ для неготоваго на крайности историка. Наконецъ, въ дополненіе характеристики этого важнѣйшаго пособія отмѣтимъ въ немъ особенную обстоятельность отдѣловъ, останавливающихся на специальномъ изслѣдованіи и выясненіи внутреннихъ сторонъ и основъ жизни Израиля, обычныя представленія исторіи котораго часто ограничиваются изложеніемъ внѣшне-политическихъ измѣненій въ его судьбахъ, или жизнеописаніями его представителей.

Упомяная выше о трудахъ, не столь умѣренныхъ при своей научности, мы разумѣли, между прочимъ, безспорно выдающійся трудъ *Stade* „Geschichte des Volkes Israel“. I—II т. Задача труда—представить исторію народа Израильскаго въ двухъ основныхъ эпохахъ: Израелитизмъ и Іудейство. Первая кончается началомъ Вавилонскаго плѣна и раздѣляется на половины уничтоженіемъ Израильскаго царства въ 722 г.—Вторая раздѣляется на 4 отдѣла: 1) время отъ плѣна до конституціи общества при Ездрѣ, 444 г. 2) идетъ далѣе до Александра В., 336 г. 3) до Антиоха IV Епифана, 175 г. и 4) до окончательнаго уничтоженія политическаго существованія Іудей Римлянами, 73 г. Исходя изъ мысли, что отличительною чертою исторіи Израиля обычно является воззрѣніе на нее, какъ на исторію религіозной идеи, подобно тому какъ исторія Рима является исторіею развитія государственной жизни и исторія Греціи—исторіею развитія классическихъ искусствъ, философіи и науки вообще, *Stade* устанавливаетъ прежде всего, что всякое историческое повѣствованіе объ Израилѣ, ограничивающееся политическою его исторіею, было бы односторонне. Повидимому, здѣсь дается прямое указаніе, что такая исторія будетъ тѣмъ, что мы привыкли соединять съ выраженіемъ „Библейская Исторія“. Наоборотъ, однако, *Stade* и по цѣли, и методу отличаетъ свою исторію отъ „такъ называемой Библейской“, которая имѣетъ по нему лишь „одну назидательную цѣль“, разрабатываемую и методомъ, не столь свойственнымъ настоящей наукѣ, а именно—„гармонистическимъ“, а не историко-кри-

тическимъ. Отличительною чертою этого (перваго) метода который онъ навязываетъ въ своего рода монополію Библейской исторіи, признается то, что въ повѣствованіяхъ изъ Библии она, Библ. исторія, не знаетъ противорѣчій, а гдѣ таковыя обнаруживаются слишкомъ ярко, она отклоняется прочь. Для иллюстраціи этого Stade ссылается на Библейско-историческаго Давида и находитъ его совсѣмъ неисторичнымъ. Конечно, нельзя согласиться съ подобными воззрѣніями на дѣло, узкими для дѣйствительной Библейской Исторіи и только воображаемо—широкими и исключительными для исторіи народа Израильскаго. Недоразумѣніе, навѣваемое Stade, падаетъ, когда мы установимъ, что основная идея и задача Библейской Исторіи вовсе не настолько отлична по существу отъ таковыхъ же въ просто исторіи Израиля, какъ избраннаго народа Божія, и хотя вѣрно, что послѣдняя можетъ быть рассматриваема съ точки зрѣнія многихъ другихъ идей и задачъ, при всемъ томъ это никоимъ образомъ не нарушаетъ ихъ идейнаго единства, а значить—не можетъ вносить въ нихъ и противорѣчія или противоположности. Скажемъ болѣе: Библейская исторія не только не отлична по существу чѣмъ-либо отъ исторіи Израиля, но и всегда имѣетъ послѣднюю своей необходимой подпочвой. Конечно, естественно при этомъ и желать, чтобы эта подпочва тщательнѣйшимъ образомъ разрабатывалась, ибо всякое прогрессивное усовершенствованіе ея лучше упитаетъ, оживитъ и произрастающую на ней исторію Библейскую. Что касается, затѣмъ, назидательной цѣли, которую Stade готовъ ставить чуть не въ вину Библейской исторіи и, во всякомъ случаѣ, считать ущербомъ чистой истинѣ, то нѣтъ никакого основанія, по нашему убѣжденію, отрѣшать эту цѣль отъ какой-угодно реальной дѣйствительности и относить ее въ область воображеній фантазіи, подобной той, которая измышляетъ дѣйствительно иногда сильно дѣйствующія на волю и чувство назидательныя драмы и сцены для подмостковъ театра. Напротивъ, какъ никакое самое роскошное художественное произведеніе не сравнивается по назидательности съ живыми уроками реальной дѣйствительности, такъ нѣтъ и не можетъ быть лучше и законосообразнѣе того назиданія, какое можетъ быть почерпаемо изъ уроковъ дѣйствительной исторіи. И такихъ уроковъ въ ней

слишкомъ неисчерпаемое множество, чтобы была какая-нибудь нужда еще измышлять ихъ изъ своей фантазіи или пользоваться завѣдомо вымышленными. Такая цѣль, какъ назиданіе, поистинѣ не оправдывала бы такихъ средствъ къ ней. Къ счастью, въ нихъ и нѣтъ надобности. Реальная, а не воображаемая исторія, хотя бы изъ подъ изысканнѣйше—правдиваго пера Stade, въ обиліи даетъ матеріала для назиданія, если бы онъ только и былъ нуженъ для Библейской исторіи. Но всѣ эти своеобразныя воззрѣнія Stade ни мало не ослабляютъ вообще научныхъ достоинствъ его труда, представляющаго одно изъ обстоятельнѣйшихъ разслѣдованій въ области библейско-историческаго первоисточнаго матеріала, хотя и не чуждое въ отдѣльности—требующихъ большой осторожности при пользованіи—увлеченій.

Трудъ *Osk. Holtzmann'a* (*Das Ende des jüdischen Staatswesens und die Entstehung des Christenthums*), занимающій почти $\frac{2}{3}$ огромнаго II-го тома Stade (273—674 стр.) представляетъ прямое и наиболѣе подходящее продолженіе труда Stade, доведеннаго до греческаго періода Иудейской исторіи. Но при всей капитальности и этого труда, сравненіе его съ *Schürer'*омъ „*Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter Iesu Christi*“ I—II т. (2-е изд.) болѣе располагаетъ въ пользу послѣдняго. Недавній выходъ его въ свѣтъ 3-мъ изданіемъ составилъ выдающееся событіе въ области еврейско-исторической науки. Въ книгѣ, уже при 1-мъ ея изданіи (Лейпцигъ, 1874 г. подъ скромнымъ наименованіемъ *Lehrbuch der Neutestamentlichen Zeitgeschichte*), не только получила новое и чрезвычайно яркое освѣщеніе одна изъ наиболѣе сложныхъ и интересныхъ эпохъ еврейской исторіи, но и собранъ богатѣйшій матеріалъ для пониманія процесса возникновенія и развитія христіанства. Цѣлая масса вопросовъ, дотолѣ темныхъ и неустановленныхъ, всесторонне затрогивается и освѣщается авторомъ самымъ тщательнѣйшимъ образомъ, на основаніи и Иосифа Флавія, и свѣтской, и раввинистической литературы. Кромѣ всѣхъ этихъ достоинствъ, сполна перешедшихъ изъ I-го изданія во II-е, бывшее у насъ подъ руками (3-е еще не совсѣмъ вышло), послѣднее обогатилось массой новыхъ плодовъ рѣдкаго трудолюбія и основательности автора. I-й томъ труда излагаетъ въ наилучше обработанномъ видѣ внѣшне-политическую исторію Палестины съ 175 г.: а

во второмъ—спеціально трактуется о внутренней жизни и бытѣ еврейскаго народа за указанное время. Вообще, труду Schürer'a и особенно его цѣннымъ примѣчаніямъ и цитатамъ изъ первоисточниковъ мы весьма обязаны при изученіи Іосифа Флавія, какъ источника послѣднихъ эпохъ Іудейской исторіи, гдѣ Schürer вполне можетъ претендовать на незамѣнимо авторитетное руководственное значеніе.

Изъ многочисленныхъ трудовъ Köhler'a мы успѣли познакомиться съ Lehrbuch der Biblischen Geschichte Alten Testaments, первой частью 1-й половины и второй частью II половины. Первая часть I половины своимъ общимъ значеніемъ и богатствомъ справочнаго матеріала весьма помогла намъ ориентироваться въ непроглядныхъ „чащахъ“ западной библейско-исторической литературы; вторая часть II пол.—весьма прекрасное руководство для изученія царскаго періода Іудейской исторіи и далѣе, кончая эпохою Нееміи, тѣмъ болѣе обстоятельное, что отлично знакомитъ со всею новѣйшею литературою, оказавшею тѣ или иные успѣхи по разработкѣ этого отдѣла Израильской исторіи.

Весьма симпатичный опытъ представляетъ Geschichte des Alten Bundes, Hase. Это—въ высшей степени замѣчательное по глубинѣ и созерцательной основательности представленіе „исторіи Завѣта Бога съ человѣчествомъ“,—исторіи, по взгляду автора, не просто человѣческой, которая развивалась подъ руководствомъ Провидѣнія только вообще, но гораздо болѣе—исторіи, которая была одинъ непрерывный рядъ Божественныхъ откровеній, находившихъ въ вочеловѣченіи Божества и свою цѣль и, въ то же время, и свое основаніе. Сообразно такому, вполне основательному взгляду, Ветхій Завѣтъ долженъ разсматриваться какъ историческая истина только въ своемъ „подразвитіи“ къ Новому (Hinentwicklung zum Neuem), а не въ „противоположеніи“ ему. Новое Іудейство, въ силу этого положенія, трактуется какъ мертвое residuum, а не какъ жизненный плодъ Ветхаго Завѣта; такого рода плодъ гораздо справедливѣе есть христіанство, отъ котораго только и получаетъ существенное значеніе и смыслъ Ветхій Завѣтъ. Въ нѣкоторый дефектъ проникнутаго этою мыслью труда можно поставить только то, что онъ не идетъ далѣе обработки, хотя бы и основательнѣйшей, одного только каноническаго матеріала Библии, хотя, впро-

чемъ, эта какъ бы недоконченность труда не есть, конечно, положительный его недостатокъ.

Совершенно подобная по характеру, и едва ли не болѣе содержательная по глубинѣ богословскаго созерцанія — *Geschichte des Alten Bundes—Kurtz'a*,—представляетъ одинъ изъ своего рода шедевровъ ортодоксальнаго направленія въ нашей наукѣ; къ сожалѣнiю, трудъ этотъ также не полонъ. Одною изъ оригинальныхъ чертъ его должно быть отмѣчено то, что исходнымъ пунктомъ своимъ онъ полагаетъ заключеніе завѣта Бога съ Авраамомъ, сообразно съ чѣмъ и время, предшествовавшее этому заключенію завѣта, принимается во вниманіе лишь въ значеніи подготовительной „до—исторiи“. Средоточнымъ и центральнымъ пунктомъ всей исторiи служитъ Боговочеловѣченіе во Христѣ, какъ условіе, вмѣстѣ, и средство обожествленія чловѣка. Это—и основаніе, и послѣдняя цѣль Ветхаго Завѣта,—и если, какъ вытекаетъ изъ существа этого Завѣта, эта цѣль должна быть раскрыта и достигнута чрезъ взаимодействіе обонхъ посредниковъ („агентовъ“) Завѣта, то и исторiя этого Завѣта должна касаться двоякой дѣятельности—Божественной и чловѣческой, и соотвѣтственно этому — представить двойственно—цѣльное содержаніе развитія всей Исторiи. Оба эти порядка развитія (Божественное и чловѣческое) никакъ не могутъ идти иначе, какъ другъ съ другомъ, проникая себя взаимно и обуславливая взаимно свой успѣхъ. Каждая новая степень откровенія Божества вызываетъ новый и высшій расцвѣтъ евобододѣятельности въ народѣ Завѣта, являющійся прямымъ слѣдствіемъ и плодомъ предшествующаго плодотворнаго воспріятія элементовъ Божественнаго проникновенія въ существо духа чловѣческаго. Такимъ образомъ, къ послѣдней цѣли и средоточному пункту всей Завѣто—дѣятельности Божіей со всѣми ея виѣшними проявленіями—къ вочеловѣченію Бога во Христѣ—клонились и законъ, и пророчества, и вообще вся промыслительная дѣятельность объ избранномъ народѣ и его отдѣльныхъ представителяхъ. Отличительный характеръ исторiи Ветхаго Завѣта, въ согласiи съ этимъ положеніемъ, будетъ тотъ, что она въ существенныхъ моментахъ своего развитія есть „исторiя освященія“. Вѣрный на всемъ протяженіи своего труда этимъ общимъ воззрѣніямъ на свой предметъ, Kurtzъ прекрасно справляется

съ нелегкой задачей—установить смыслъ отдѣльныхъ эпохъ и представителей въ исторіи Ветхозавѣтнаго народа, не нарушая единства своей основной точки зрѣнія; и съ этой стороны въ особенности трудъ его не перестанетъ служить образцомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ попытокъ въ томъ же родѣ, которыхъ особенно можно пожелать для второй половины Ветхозавѣтной Исторіи, оставшейся менѣе освѣщенной съ точки зрѣнія, подобной Kurtz'у.

Штудируюя трудъ Schürer'a, бывшаго главнымъ пособіемъ нашимъ при изученіи послѣ - Маккавейскаго періода, мы имѣли случай и старались знакомиться, конечно, съ указываемою имъ въ началѣ cadaго § литературою предмета. Изъ болѣе полныхъ ислѣдованій по предмету Израильской исторіи (кромѣ вышеуказанныхъ) мы познакомились съ *Hitzig*, *Geschichte des Volkes Israel*, I—II, тоже—*Seinecke*, собственно 2-я часть, *vom Exil bis zur Zerstörung Ieruselems durch die Römer*, и пр. др. по мѣрѣ возможности и надобности. Трудъ перваго (*Hitzig*), при меньшей солидности, близко сроденъ Schürer'у, по научной пытливости ко всему любопытному въ Израильской исторіи и по старанію разрѣшать труднѣйшіе изъ вопросовъ этой исторіи экскурсіями въ область матеріала первоисточнаго. Трудъ втораго (*Seinecke*), въ указанномъ ограниченіи, представляетъ весьма важное дополненіе къ тѣмъ обимъ, благодаря въ особенности большому знакомству и вниманію ¹⁾ къ даннымъ раввинистической литературы и умѣнію освѣщать ими научный матеріалъ.

Послѣ всѣхъ этихъ болѣе или менѣе цѣлостныхъ и полныхъ обзоровъ предмета Библейской Исторіи, весьма многимъ мы были обязаны трудамъ по разработкѣ отдѣльныхъ періодовъ и вопросовъ въ области нашего предмета. Такъ, *Engelstoft*, *Historia populi judaici biblica* далъ намъ благодарный матеріалъ болѣе или менѣе цѣнными указаніями при ознакомленіи съ внѣбиблейскою литературою, имѣющею значеніе не въ ограниченныхъ лишь заглавіемъ предѣлахъ („до оккупаціи Іудеями Палестины“), но и вообще для ориентированія въ восточной литературѣ предмета.

---

¹⁾ Какъ ни странно сказать, но нельзя и смолчать: съ раввинистическою литературою Schüler плохо знакомъ, и въ этой области уступаетъ свое значеніе другимъ.

Еще обстоятельнѣе въ этомъ отношеніи трудъ *Lengerke*, *Kenāan. Volks — und Religionsgeschichte Israel's*, а для эпохи Царей также *Eisenlohr*, *Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige*, весьма, впрочемъ, близкіи къ соотвѣтствующимъ частямъ *Ewald'a*. Довольно обширный и одинъ изъ самыхъ темныхъ и недостаточно освѣщенныхъ періодовъ въ исторіи Іудейства—отъ плѣна до Маккавеевъ—точно такъ же имѣетъ достаточно своихъ специальныхъ изслѣдователей, между которыми многіе прекрасно дополняютъ другъ друга и вмѣстѣ даютъ иногда значительно болѣе обстоятельное обзорѣніе извѣстныхъ періодовъ Іудейской исторіи, чѣмъ даже наилучшіе изъ трудовъ общаго характера. Таковы—*Das Jahrhundert nach dem Babilonischen Exile*, *Rosenzweig'a*, изслѣдование—обращающее особенное вниманіе на религіозное развитіе Іудейства за указанное время и представляющее тщательнѣйшую обработку іудейско-раввинистическихъ матеріаловъ, относящихся къ данному вопросу; и *Vier Jahrhundert aus der Geschichte der Juden (von der Zerstörung des ersten Tempels bis zur Makkab. Tempelweihe)*, *Jastrow'a* — дополняющее достоинства перваго преимущественнымъ освѣщеніемъ политическо-бытовыхъ сторонъ жизни Израіля. Важное историческо-литературное,—и вообще для ориентировки въ первоисточномъ матеріалѣ предъ-Маккавейскаго періода,—значеніе имѣетъ изслѣдование *Wiltrich'a* — *Juden und Griechen vor der Makkabäischen Erhebung*, обстоятельно знакомящее съ авторами первоисточниковъ и, насколько возможно, съ самими этими первоисточниками, о многихъ изъ коихъ, впрочемъ, теперь можно сказать почти только то одно, „что“ въ нихъ когда-то было? Обстоятельнѣйшее обзорѣніе, не только экзегетическое, но и историко-критическое для Маккавейскаго періода даютъ—*Grimm*, въ *Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zu den Apokryphen des Alten Testaments (das erste Buch der Makkabäer)*, и *Keil*—въ *Kommentar über die Bücher der Makkabäer (I и II кн. Макк.)*. А начиная со смерти Іуды Маккавея до конца—весьма важнымъ пособіемъ служить, кромѣ *Schürer'a* и въ параллель ему, *Grätz*, *Geschichte der Juden von dem Tode Iuda Makkabi's bis zum Untergang des Jüdischen Staates*,—если не считать грубо - рационалистическихъ комментариевъ его къ Евангелію и нелѣпыхъ воззрѣній на Божественное Лице Господа Іисуса Христа, которыя только ученое помѣ-

шательство можетъ хладнокровно выдавать за „научныя“. Всему остальному въ трудахъ Grätz'a это не мѣшаетъ отдать справедливость и всѣ права на вниманіе, и, между прочимъ, воззрѣнія Grätz'a на такъ называемыя секты Іудеевъ (фарисеи, саддукеи, ессен), отступая отъ обычныхъ избитыхъ толкованій этого въ высшей степени интереснаго явленія въ Іудействѣ, при всей своей новизнѣ и своеобразности, кажется, ближе всего къ истинѣ. Много цѣннаго представляютъ и другія замѣтки и воззрѣнія Grätz'a, собранныя въ особомъ отдѣлѣ его ислѣдованія (Noten. 415—503).

Наконецъ, отмѣтимъ еще трудъ, столько же оригинальный по замыслу, сколько безуспѣшный по выполненію и представляющій важное пособіе при изученіи Іосифовскаго матеріала Іудейской исторіи съ того момента, какъ на помощь историку Библейскому начинаетъ опять приходиться Слово Божіе. Это трудъ *Krenkel'a*—*Iosephus und Lucas (der Schriftstellerische Einfluss des Iudischen Geschichtschreibers auf den Christlichen)*, не столько, впрочемъ, убѣдительно доказывающій дѣйствительное литературное вліяніе Іудейскаго историка на Евангелиста и Дѣеписателя, сколько основательно разрѣшающій, гдѣ требуется, нѣкоторыя недоумѣнныя сопоставленія текстовъ обоихъ писателей и указывающій возможность взаимнаго дополненія ихъ одного чрезъ другого, какъ повѣствователей однѣхъ и тѣхъ же параллельныхъ эпохъ.

Не рекламируя настоящаго отчета доказательствами нашего знакомства съ другими источниками и пособіями, имѣвшими или болѣе случайное значеніе, или слишкомъ специальное, относящееся до отдѣльныхъ частнѣйшихъ сторонъ и вопросовъ, излишнихъ для цѣлей отчета, — мы добавимъ лишь, въ видѣ заключенія, къ послѣднему, что онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ дать полнаго и яснѣйшаго понятія о всемъ, что составителемъ его сдѣлано за годъ добросовѣстнаго труда. Достаточно матеріала для сужденія объ этомъ можетъ дать только наше сочиненіе, на недалекую подачу котораго надѣмся. Тщательная же распланировка и расцѣпка, и обсужденіе всего изучавшагося матеріала, столько же какъ выясненіе положенія Библейскаго историка, имѣющаго дѣло съ этимъ матеріаломъ, — позволяютъ намъ также надѣяться, что авторъ далъ въ своемъ отчетѣ не сухой только перечень матеріаловъ своего труда,

но и удовлетворительно освѣтилъ путь для своихъ дальнѣйшихъ занятій по предмету, интересъ къ которому послѣ 16—дневнаго возбужденно - восторженнаго біенія пульса и всесторонняго удовлетворенія юношески - впечатлительной души въ благодатной—и вещественной, и духовной—атмосферѣ Св. Земли, сталь—поистинѣ!—интересомъ жизни. Говоря *вполнѣ безтенденціозно*: это „полмѣсячное“ дышаніе воздухомъ Св. Земли и вообще „духовное питаніе отъ „Нея“—навсегда удержитъ свое значеніе въ нѣкоторомъ родѣ „утробнаго періода“ по отношенію ко всему, что бы только ни ожидало меня въ дальнѣйшей жизни. „*Не умолкну ради Сіона, и ради Иерусалима не успокоюсь!*“ — вотъ то, къ чему вездѣ и во всемъ будетъ предопредѣляющимъ меня этотъ періодъ! Любовь ко Св. Землѣ и жгучій интересъ ко всему, что касается ея и ея исторіи -- вотъ то, что останется неизмѣннымъ при всѣхъ перемѣнахъ жизни! Каждая статья, каждое слово о Св. Землѣ—то же, что письмо, полученное отъ близкихъ и родныхъ сердцу! Исторія и судьбы Св. Земли всплываютъ въ сознаніи и сердцѣ со всею неотразимо—обаятельною живостію, ясностію и понятностію, чего не достигнуть въ такой мѣрѣ никакія описанія, изображенія и сочиненія. Однимъ словомъ, немногіе дни пребыванія въ Палестинѣ для меня, какъ студента, были наилучшею наградою за долгіе годы ученія на всю жизнь, и наилучшимъ, такъ сказать, заключеніемъ того духовнаго развитія, за какое только можно быть обязаннымъ дорогой Академіи!..

Но—да простится мнѣ это невольное увлеченіе“!....

б) Словесное предложеніе Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго:

„Изъ представленнаго профессорскимъ стипендіатомъ Ивановъ Петровыхъ отчета о его занятіяхъ по библейской исторіи въ теченіи 1899—1900 учебнаго года я убѣдился, что авторъ его съ большою пользою для себя употребилъ бывшее въ его распоряженіи время, значительно пополнилъ свои познанія и вообще достаточно подготовился къ преподаванію избраннаго имъ предмета.—Такъ какъ г. Петровыхъ Совѣтомъ Академіи еще въ прошломъ учебномъ году намѣченъ былъ кандидатомъ къ замѣщенію вакантной въ Академіи кафедры библейской исторіи, временное преподаваніе каковаго предмета я съ началомъ будущаго учебнаго

года оставляю, то считаю долгомъ предложить Совѣту Академіи теперь же окончательно рѣшить вопросъ объ избраніи г. Петровыхъ на вакантную должность преподавателя библейской исторіи“.

Справка: 1) По § 81 лит. а п. 7 устава духовныхъ академій „принятіе мѣръ къ замѣщенію профессорскихъ и другихъ преподавательскихъ вакансій“ значитъ въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи. 2) По § 50 того же устава „ищущіе званія доцента, но неизвѣстные Совѣту своими преподавательскими способностями, должны прочесть, въ присутствіи Совѣта, двѣ пробныхъ лекціи: одну на тему по собственному избранію, а другую— по назначенію Совѣта“.

Опредѣлили: Профессорскаго стипендіата Ивана Петровыхъ избрать кандидатомъ на вакантную должность преподавателя библейской исторіи, обязавъ его, въ началѣ будущаго 1900—1901 учебнаго года, прочесть двѣ, установленныя § 50 академическаго устава, пробныхъ лекціи: одну на тему по собственному избранію, а другую— по назначенію Совѣта.

VII. Донесеніе комиссіи (въ составѣ ординарныхъ профессоровъ Григорія *Воскресенскаго* и Николая *Заозерскаго* и экстраординарнаго профессора Сергѣя *Глаголева*), ревизовавшей кассу, приходо-расходныя книги и другіе документы редакціи „Богословскаго Вѣстника“ и разсматривавшей отчетъ редакціи за 1899-й годъ:

„Честь имѣемъ донести Совѣту Академіи, что, во исполненіе возложеннаго на насъ Совѣтомъ порученія отъ 20-го марта текущаго года, мы произвели ревизію кассы и приходо-расходныхъ книгъ редакціи „Богословскаго Вѣстника“, равно разсмотрѣли отчетъ за 1899 годъ, и нашли слѣдующее:

1) Всѣ процентныя бумаги редакціи, равно какъ и наличныя деньги, которыя должны быть по отчету, находятся въ цѣлости.

2) Отчетъ за 1899 годъ составленъ редакціей согласно съ приходо-расходными книгами.

3) Приходо-расходныя кассовыя и вспомоgetельныя книги редакціи найдены нами въ порядкѣ и исправности: всѣ листы, шнуры и печати въ цѣлости.

4) Записи въ нихъ прихода и расхода ведены чисто, безъ помарокъ, а гдѣ таковыя встрѣчаются, тамъ онѣ оговорены

по надлежащему; страничные итоги и транспорты показаны правильно.

5) На всѣ крупныя расходы, произведенныя редакціей, и почти на всѣ мелкія расходы имѣются счета, росписки и другіе оправдательные документы“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Донесеніе экстраординарнаго профессора Героева *Татарскаго* и исправляющаго должность доцента Академіи Павла *Тихомирова*, производившихъ ревизію академической библіотеки:

„Исполняя возложенное на насъ Совѣтомъ Академіи порученіе, мы, руководствуясь § 54 инструкции бібліотекаря, произвели ревизію академической бібліотеки и имѣемъ честь донести Совѣту Академіи слѣдующее:

Наличность бібліотеки находится въ цѣлости и надлежащемъ видѣ. Вновь поступившія пріобрѣтенія своевременно занесены въ бібліотечныя каталоги. Книги и рукописи, взятая профессорами и студентами, своевременно записаны.

Изъ нуждъ бібліотеки считаемъ необходимымъ вновь указать на отмѣчавшуюся и въ прежніе годы нужду въ новыхъ шкафахъ и въ передѣлкѣ существующихъ шкафовъ въ цѣляхъ лучшаго предохраненія книгъ отъ пыли; послѣднее могло бы быть достигаемо постепеннымъ устройствомъ въ шкафахъ стеклянныхъ дверокъ.

Въ дѣятельности бібліотекарей обращаемъ вниманіе Совѣта на произведенную ими разборку дублетовъ, хранившихся прежде на шкафахъ и почти никогда не выдаваемыхъ; теперь эти дублеты помѣщены на соотвѣтственныя мѣста въ шкафы и стали вполне доступны для пользованія.

Доволя о всемъ изложенномъ до свѣдѣнія Совѣта Академіи, не можемъ не засвидѣтельствовать предъ нимъ о заслуживающемъ благодарности, внимательномъ и усердномъ отношеніи бібліотекарей къ своему дѣлу“.

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію. 2) О нуждахъ бібліотеки въ хозяйственномъ отношеніи сообщить Правленію Академіи для надлежащихъ распоряженій. 3) Библіотекаря Академіи Константину Попову и помощнику бібліотекаря Василию Протопопову за ихъ внимательное и усердное отношеніе къ своему дѣлу выразить отъ Совѣта Академіи благодарность.

IX. Отношенія:

а) Совѣта Александро - Маринскаго Дома Призрѣнія въ Сергіевскомъ Посадѣ:

„Совѣтъ Александро-Маринскаго Дома Призрѣнія имѣть честь сообщить Совѣту Московскои Духовнои Академіи, что ординарный профессоръ Академіи, Статскій Совѣтникъ Петръ *Цвѣтковъ* Его Высокопревосходительствомъ Г. Оберъ - Прокуроромъ Святѣйшаго Синода 21 декабря 1899 года опредѣленъ членомъ Совѣта Александро-Маринскаго Дома Призрѣнія“.

б) Г. исправляющаго обязанности инспектора Торговой школы В. В. и П. В. Кузьминыхъ (въ Москвѣ): „Честь имѣю довести до свѣдѣнія Вашего Преосвященства, что и. д. доцента Московскои Духовнои Академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола Илья *Громогласовъ* распоряженіемъ Г. Директора Департамента Торговли и Мануфактуръ отъ 3 мая 1900 г. за № 18255 назначенъ на должность штатнаго преподавателя общеобразовательныхъ предметовъ въ Торговой школѣ В. В. и П. В. Кузьминыхъ съ 4 марта 1900 г., съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности“.

в) Московскои Духовнои Консисторіи: „Московская Консисторія имѣть честь увѣдомить, что экстраординарный профессоръ Московскои Духовнои Академіи *Введенскій* Высочайшимъ приказомъ отъ 27 апрѣля сего года за № 29 произведенъ за выслугу лѣтъ изъ Коллежскихъ въ Статскіе Совѣтники со старшинствомъ съ 23 сентября 1899 года“.

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію. 2) Объ утвержденіи заслуженнаго ординарнаго профессора Петра *Цвѣткова* и исправляющаго должность доцента Академіи Илья *Громогласова* въ вышеозначенныхъ должностяхъ, а экстраординарнаго профессора *Алексѣя Введенскаго* — въ чинѣ Статскаго Совѣтника внести въ формулярные о службѣ ихъ списки.

Х. Представленіе душеприказчика по завѣщанію покойнаго О. Протопресвитера Московскаго Большаго Успенскаго Собора Александра *Сумеоновича Ильинскаго* — потомственнаго почетнаго гражданина Николая Павловича *Чалова*:

„Имѣю честь препроводить Совѣту Московскои Духовнои Академіи одно свидѣтельство Государственной 4% ренты въ пять тысячъ рублей за № 252, сер. 192, съ купономъ на

срокъ Юнь 1900 года, завѣщанное покойнымъ Отцомъ Протопресвитеромъ Александромъ Сумеоновичемъ Ильинскимъ на образованіе одной стипендіи въ Академіи имени покойнаго завѣщателя съ тѣмъ, чтобы капиталъ стипендіи, обращенный въ Государственныя процентныя бумаги, оставался неприкосновеннымъ, проценты же съ него, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, были употребляемы на содержаніе тѣхъ изъ воспитанниковъ, которые содержатся во время ученія собственными средствами не могутъ и между тѣмъ правъ на казенное содержаніе не имѣютъ; причемъ на стипендію должны быть назначаемы преимущественно воспитанники духовнаго званія Московской епархіи, отличающіеся прилежаніемъ въ ученіи и благоправіемъ. Если бы назначенной на стипендію суммы, по существующимъ въ Академіи окладамъ содержанія или вслѣдствіе уменьшенія самыхъ процентовъ, оказалось недостаточно, назначеніе стипендіи отлагать до того времени, какъ она, чрезъ ежегодное присоединеніе къ капиталу процентовъ, достигнетъ потребнаго размѣра.

Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи въ полученіи отъ меня вышеозначеннаго свидѣтельства 4⁰/₀ ренты выдать мнѣ соответственное удостовѣреніе съ обозначеніемъ въ немъ указанной выше воли покойнаго Отца Протопресвитера Александра Сумеоновича Ильинскаго“.

Справка: Требуемое удостовѣреніе выдано потомственному почетному гражданину Николаю Павловичу Чамову 4 мая сего года за № 120; свидѣтельство же Государственной 4⁰/₀ ренты въ 5000 рублей передано въ Правленіе Академіи для внесенія на храненіе въ Московскую Контору Государственнаго Банка.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Московской Духовной Академіи стипендіи имени покойнаго О. Протопресвитера Московскаго Большаго Успенскаго Собора Александра Сумеоновича Ильинскаго. 2) Представить установленнымъ порядкомъ на благоусмотрѣніе и утвержденіе Святѣйшаго Синода слѣдующій проектъ положенія объ означенной стипендіи:

§ 1.

На проценты съ завѣщаннаго покойнымъ Протопресвитеромъ Московскаго Большаго Успенскаго Собора Александромъ Сумеоновичемъ Ильинскимъ капитала, заключающагося въ одномъ свидѣтельствѣ Государственной 4⁰/₀ ренты на сумму пять тысячъ рублей, учреждается при Московской Духовной Академіи стипендія имени названнаго О. Протопресвитера.

§ 2.

Стипендія назначается Совѣтомъ Академіи, съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго, на четыре года одному изъ своекоштныхъ студентовъ Академіи, отличающемуся прилежаніемъ въ ученіи и благонравіемъ, по происхожденію преимущественно изъ воспитанниковъ духовнаго званія Московской епархіи.

§ 3.

Если стипендія освободится прежде окончанія стипендіатомъ полнаго академическаго курса (вслѣдствіе, напр., смерти стипендіата или увольненія его изъ Академіи), то она назначается порядкомъ, указаннымъ въ § 2.

§ 4.

Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5.

Стипендія должна быть назначаема лишь въ томъ случаѣ, если сумма процентовъ съ капитала будетъ равняться суммѣ, ассигнуемой на ежегодное содержаніе казеннокоштнаго студента Академіи; до того же времени проценты должны быть присоединяемы къ основному капиталу для увеличенія его до требуемыхъ размѣровъ.

XI. Отношеніе *Преосвященнаго Никандра*, Епископа Симбирскаго и Сызранскаго:

„Какъ бывший питомецъ Московской Духовной Академіи, честь имѣю препроводить въ даръ Академіи для фундаментальной бібліотеки въ двухъ особыхъ посылкахъ коллекцію греческихъ „аколуѳій“ (*τῶν ἀκολουθιῶν*) или чинопослѣдова-

ній службъ святымъ Православной Церкви, состоящую изъ 170 экземпляровъ (за исключеніемъ №№: 6, 26, 81, 95, 150 и 170, не найденныхъ для отсылки), печатныхъ и рукописныхъ, изданныхъ въ XIX и XVIII столѣтіяхъ. Изъ этихъ „аколуей“ однѣ представляются имѣющими извѣстную важность по своей сравнительной старинѣ, другія — какъ составляющія библиографическую рѣдкость въ самой Греціи по ограниченности выпущенныхъ въ свѣтъ экземпляровъ, иныя же какъ заключающія въ себѣ службы такимъ греческимъ святымъ (въ особенности — новымъ мученикамъ въ эпоху турецкаго владычества), которые привлекли особое вниманіе Русской Церкви, какъ на примѣръ, аколуеи четырехъ новыхъ мучениковъ изъ города Реимно (на островѣ Критѣ), честная глава одного изъ которыхъ по просьбѣ въ Бозѣ почившаго Императора Николая I-го была послана въ Санктъ-Петербургъ, гдѣ и хранится въ одномъ изъ соборовъ (см. № 14 прилагаемаго при семъ каталога) и проч...

Сверхъ сего имѣю честь препроводить также въ особій (3-й) посылкѣ три древнихъ греческихъ рукописи, изъ которыхъ одна (I), относящаяся, какъ нужно думать, къ X вѣку, написанная на пергаментѣ четкимъ миниатюрнымъ письмомъ того времени съ киноварью (длиною 16-ть сантиметровъ, шириною 11 сантиметровъ, въ досчатомъ, обшитомъ кожей, переплетѣ того времени), представляетъ замѣчательную и драгоцѣнную въ научномъ и другихъ отношеніяхъ рѣдкость. Это *Τυλικόν*, заключающій въ себѣ „уставъ службъ Великой Христовой Церкви и знаменитаго Студійскаго монастыря“. (*Περίεχει τὸ τυλικὸν τῆς Μεγάλης τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησίας ὄντι τῷ μοναστηρίῳ τῶν Στουδίων*). Какъ видно изъ содержанія, типиконъ этотъ заключаетъ въ себѣ службы всей тріоди и пятидесятницы и вообще показаніе всѣхъ церковныхъ службъ на весь годъ... О происхожденіи рукописи не позже означеннаго времени можно заключать и изъ того, что предписанія Церкви, установленныя послѣ X вѣка, не вошли въ эту рукопись. Признаки ея глубокой старины не трудно усматривать между прочимъ въ показаніяхъ на службу Благовѣщенію Пресвятыя Богородицы; равно также въ предписаніяхъ на святую Четырдесятницу и на Страстную седмицу. Въ послѣднихъ мы находимъ даже указанія на то, какія церковныя облаченія должны надѣвать священнослу-